

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Ноябрь, 1824.

П Р О З А.

Нѣсколько писемъ одного Рускаго путешественника къ В. А. Ж. изъ Рима.

3-го Апрѣля.

Въ самой пышной и населенной части древняго Рима, куда, во время величія падшей столицы, спекался народъ шумными толпами на жестокія увеселенія, возвышающія и теперь еще огромные ошашки Колизея, Амфитеатра Флавіева.

Здѣсь бойцы сражались между собою на смерть; здѣсь люди боролись съ хищными, голодными звѣрями и часто погибали въ борьбѣ, не возбудивъ и сожалѣнія въ зрителихъ; левъ и пигръ цѣнились болѣе, чѣмъ купленный невольникъ. Это называлось играми; Императоръ и даже жрицы Весты присушествовали на нихъ, бытъ можешь, съ удовольствіемъ глядя на кровь, текущую по обнаженнымъ членамъ умирающаго Гладіатора. — Послѣ, во время гошенія Христіанъ, на помѣ же поприщѣ проливалась кровь спрдавшихъ за Вѣру.

Теперь, среди арены воздвигнушь Крестъ, кругомъ его стояшь Христіянскіе олшари; шихія молишвы бѣднаго, простершаго предъ образомъ Спасителя и шаги Художника, приходящаго искать вдохновеній подъ развалившимися сводами, одни нарушають молчаніе и уединеніе Колизея.

Вчера пошелъ я туда, взглянуть на заходящее солнце. Вечерніе колокола, опзвонивъ *ave Maria*, умолкли; спукъ карешъ шумнаго Корсо не доходилъ до меня и я, поднявшись съ трудомъ по оспашкамъ каменной лѣстницы, смошрѣлъ, какъ послѣдніе лучи золотили верхнія ступени и круглые переходы величественнаго сего зданія. Мало по малу, шѣни ложились на всѣ предметы и солнце спустилось въ развалинахъ Неронова дворца, за сосѣдную Палашинскую тору.

Арена была совершенно пуста; въ амфитеатрѣ находился одинъ я. Безчисленное множество шпичекъ, съ веселыми пѣснями, усаживались на ночь въ густомъ плющѣ, который, прильнувъ къ осмугленному вѣками бѣлому мрамору, зеленою стѣною взбирался по сводамъ и столпамъ. Другъ развалинь — ящерица, мелькала межъ нагрѣтыхъ солнцемъ камней. Наконецъ все утихло; одна лешучая мышъ, кружа надъ моею головою и исчезая въ ущеліяхъ галлерей, теперь ей одной извѣстныхъ и для ней одной прислушанныхъ, казалось, свиспомъ своимъ хошѣла выжить и меня изъ своего жилища.

Вдругъ послышалось церковное пѣніе; рядъ Капуциновъ, съ поникшими главами, какъ будто пѣніи погибшихъ здѣсь мучениковъ, вошли чрезъ главный Портикъ въ арену, приблизились ко Креслу и, послѣ короткой молитвы, продолжали тихое шествіе въ противоположную сторону и скрылись за стѣнами храма Венеры. Я по же вышелъ и могъ бы видѣнное счестъ призракомъ, если бы у входа Колизея не нашель Кардинала, который, садясь въ позолоченную карешу, благословлялъ проходящихъ и спарался обогнашь пѣщихъ служителей Олшаря.

4-го Апрель.

Я долго искалъ и не могъ найши Тарпейской скалы; наконецъ, въ узкой улицѣ, которая выходитъ однимъ концемъ на Капитольскую площадь, прочиталъ я на доскѣ, прибишой къ дверямъ запачканнаго дома: *Ingresso alla Rocca Tarpeja*. Маленькая лѣспинца вешеть къ небольшому огороду, въ который впустила меня прачка. Она стираешъ черное бѣлье современниковъ и за полпаола показываешъ спрашную при ихъ предкахъ Тарпейскую скалу. — Я нашель, что и шеперь нельзя безопасно спрыгнуть съ сего возвышенія, хотя насыпь, сдѣланная или сдѣлавшаяся при подошвѣ горы, скрываетъ половину настоящей ея высоты; я нашель еще, что аршишоки, цвѣшная капуста, висяція по пропшанушымъ веревкамъ рубахи и сама хозяйка не внушающъ досташочнаго почшенія къ сему памятнику первыхъ временъ Рима. — Что бы спшшло укра-

силь его несколькими спашуями, копорья до сихъ поръ ежедневно выкапываются въ Римъ и въ окрестностяхъ? Будемъ надѣяться, что кто нибудь изъ Сенаторовъ сдѣлаешь сіе предложеніе и что оно прочими принято будетъ единодушно. — Сенатъ собирается здѣсь подѣ, въ Капитоліи; но власъ его, говорятъ, немного измѣнилась.

5-го Апрель.

На помъ холмъ, гдѣ Ромулъ заложилъ основаніе величію Римлянъ и съ котораго потомъ управляли они вселенною, теперь всего менѣе видно признаковъ сшарини. — Не смотря на двухъ базальтовыхъ львовъ, стоящихъ внизу у лѣстницы Капитоліи, не смотря на мраморныхъ великановъ Касшора и Поллукса, копорые стоятъ на той же лѣстницѣверху, физиогномія *Monte Capitolino* самая не спарая.

Капитольская площадь украшена большою бронзовою спашуею *Марка Марелія*. Императоръ представляется верхомъ. Невозможно удаче въразить движеніе коня и спокойную увѣрительность сѣдока; онъ, кажется, гордо пробѣгаетъ ряды и раздаетъ повелѣнія собранному войску. Монуменгъ сей найденъ близъ Арки Септима Севера и можетъ почестъся единственнъмъ, какъ изящностию оидѣлки, такъ и своею величиною: хошя бы онъ одинъ дошелъ до времени нашихъ, шо было бы сего досташочно, чтобы дать высочайшее мнѣніе о степени совершенства Скульпшуры Древнихъ.

Спросію, окружающее съ трехъ споронъ площадь ничего не представляетъ особеннаго, хошя и сдѣлано

по рисункамъ славнаго *Машель-Анжела-Буонаротти*. — Оно заключаешь два наполненные Музея и пусшыя залы Сенаша. — Въ Музеяхъ есть нѣсколько хорошихъ, извѣстныхъ картинъ и множество прекрасныхъ статуй, найденныхъ въ разное время въ Тиволи и въ Римѣ. Въ одной изъ комнатъ показываютъ древнѣйшее бронзовое изображеніе кормилицы Ромула и Рема, кошкою, въ день смерти Юлія Кесаря, молнія пробила двѣ заднія лапы. Въ другой комнатѣ, между прочими бронзами, нашелъ я двѣ хорошо отлитыя утки. *Custodio*, хранитель Музея, который съ важностію толковалъ мнѣ онечестивенные памятники, уведомилъ меня, что еще двѣ утки сдѣланы въ память гусей, спасшихъ Капитолію. Я поблагодарилъ его по Италіянски за истолкованіе, прибавивъ по Руски: *а ты, другъ мой, совершенный гусь*. Слѣдую древнему обычаю, Депушаны Евреевъ (которые все живутъ въ нечистомъ углу Рима), приходящъ до сихъ поръ ежегодно, въ извѣстный часъ въ Сенатъ, присягаютъ въ вѣрности и слѣдую столь же древнему обычаю, Евреевъ до сихъ поръ запирають на ночь въ ихъ нечистомъ кварталѣ, ежедневно въ извѣстный часъ.

6-го Апрѣля.

Если храмъ Юпитера Капитолинскаго, богатый рѣдкими мраморами и драгоценностями, похищенными у непріятеля, если съ нимъ вмѣстѣ семь другихъ храмовъ, сооруженныхъ на горѣ Капитолинской, исчезли; то памятникъ, воздвигнувшій

безъ намѣренія въ опдаленнѣйшей части города, устоялъ противъ сполѣтій, копорыя надъ нимъ ничего не могутъ и противъ разрушительной руки варваровъ, копорымъ онъ не представлялъ ничего привлекательнаго. Одно развѣ землетрясеніе, шакъ часто измѣняющее поверхность Италіи, поглотитъ можешь быть со временемъ Monte Testaccio.

Гора, въ 170 шаговъ вышины и въ 500 окружности, стоить на берегу Тибра; съ ней видѣнь весь Римъ и часть окрестностей. Гора эта составлена не изъ чего больше, какъ изъ обломковъ глиняныхъ сосудовъ, въ коихъ Римляне сберегали вино, масло и сохраняли пепель умершихъ. Хотя употребленіе шаковой посуды было у Римлянъ всеобщее; но какъ исполковать шакое непонянное количество черепковъ? Еще мудренѣе понять, чемъ можно было зашавить человека, нести послѣдній разбишый горшокъ на шакую гору, когда онъ могъ его бросить въ ближнюю яму? Чшо бы рѣшить задачу сихъ бишыхъ горшковъ, давно себя ломающъ голову Италіянскіе Аншикваріи.

Сойдя съ Monte Testaccio, я разсмашривалъ пирамиду *Каія Цестія* (Caius Cestius). Гордая могила передала позднему потомству безславное имя человека, о существованіи коего древніе Писатели молчашъ, а новѣйшіе споряшъ и несогласны: въ послѣднихъ ли временахъ Республики, или въ первыхъ годахъ Царшвованія Августа, жилъ и умеръ Caius Cestius? Положительною однакожъ кажешся шо,

что когда построена надгробная пирамида сія; Римляне заботились уже болѣе о щеславїи, нежели о славѣ. Никому неизвѣстный Р. Е. лежишь подъ великолѣпнымъ памяшникомъ изъ бѣлаго Греческаго мрамора; а гробницы добродѣтельныхъ Циціоновъ описаны только недавно, по случаю и ничего другаго не представляющъ, какъ темный погребъ, выкопанный въ горѣ и въ кошоромъ славныя имена написаны скромно, на простомъ камнѣ.

Вотъ, любезный другъ, нѣсколько безпорядочныхъ рассказовъ о прогулкахъ моихъ по Риму.— Если ты хотя мало знакомъ съ планомъ сего города, то имѣешь право спросить у меня: почему я такъ легко перескочилъ изъ Колизея въ Капишолію, а оттуда на Monte Testaccio? Отъ чего не остановился у кошорой нибудь изъ развалинъ, коими усыпанъ Форумъ Романумъ и зачѣмъ, умалчивая о храмѣ Весты, мимо кошораго шелъ, предпочелъ говорить о черепицахъ?

Другъ мой, я на древности смошрю болѣе какъ Художникъ, нежели какъ Историкъ. Чтобы описывать Римскіе памяшники по порядку, надлежало бы имѣть время и особенно познанія, въ кошорыхъ у меня недоспашокъ; притомъ же о предметахъ возвышенныхъ надлежишь и говорить языкомъ возвышеннымъ. Итакъ прошивъ меня возспали бы обиженные: Исторія Римская и Руской языкъ, съ кошорыми и такъ уже я не очень въ ладу.— На Колизей я смошрѣлъ и что видѣлъ, то писалъ; но

храмы: Мира, Рима, Венеры, Юпитера Громоносца, означенные только несколькими разрушенными колоннами или сводами, мало говоряще моему воображенію въ перенесенномъ ихъ видѣ, а въ первобытность — я съ ними незнакомъ.

Я не упомянулъ о храмѣ Весны, хотя онъ и сбереженъ въ довольно цѣлости; потому что это не только храмъ, основанный Нумою, въ которомъ хранили священный огонь и Палладіумъ. — Храмъ Весны, теперь существующій, стоитъ довольно далеко отъ мѣста, гдѣ некогда находилось главное святилище сей богини; онъ малъ и не имѣетъ ничего величественнаго. Близъ него впадаетъ въ Тибръ извѣстная, но не знаю почему славная Слоса таліана; про нее говоритъ и Плиній; а я признаюсь, не понимаю, что мудренаго въ несвѣдѣнномъ каналѣ, выкопанномъ для стока воды подъ землю, когда Римляне осмѣили намъ образцы работъ, переню удивительныхъ, какъ на примѣръ все ихъ водопроводы (Aquaeductus)?

Прощай, любезный другъ, до Неаполя; цѣлую тебѣ и совѣтую писать ко мнѣ хотя изрѣдка.

М а з е н а.

(Изъ сочиненій Лорда Байрона.)

Предисловіе.

„Польскій Шляхтичъ, по имени *Мазепа*, занималъ тогда сіе мѣсто. Онъ родился въ Подольскомъ Воеводствѣ и находился Пажемъ при Королѣ *Казимирѣ*, при Дворѣ котораго немного познакомился съ изящною Словесностію.“

„Любовная связь его съ женою одного Польскаго Шляхтича обнаружилась: раздраженный мужъ привязалъ его обнаженнаго къ дикой лошади и пушилъ въ шепь. Лошадь, приведенная изъ Украйны, понесла его прямо на родину. *Мазепа* найденъ безъ чувствъ, умирающимъ отъ голода и жажды: поселяне возвратили его къ жизни. Онъ долго оставался между ними — и отличился въ набѣгахъ на Татарскія границы. Его свѣденія дали ему большой вѣсъ между Козаками. Царь, слыша объ немъ похвалы его соотечественниковъ, поставилъ его Гетманомъ Малороссіи.“

Вольтеръ, Исторія Карла XII.

„Бѣгущій Король былъ горячо преслѣдуемъ, лошадь подъ нимъ убиша; Полковникъ *Жетта*, раненный и пеходившій уже кровью, уступилъ ему свою. Инакъ сей завоеватель, въ бѣгствѣ своемъ, два раза былъ посаженъ на лошадь, на которой не въ состояніи былъ ѣздить во время битвы.“

Вольтеръ, Исторія Карла XII.

„Король съ нѣсколькими всадниками поскакалъ другою дорогою. Его кареша изломалась; посадили его на лошадь. Къ довершенію бѣдствія, ночью онъ заблудился: тогда мужество не могло уже замѣнять его истощенныя силы; боль въ ранѣ, ошъ трудностей дороги, сдѣлалась несстерпимою; утомленная лошадь подъ нимъ пала. Не смотря на опасность, кошорой ежеминушно подвергался, будучи ошвсюду окруженъ искавшими его побѣдителями, онъ принужденъ былъ нѣсколько часовъ ошдыхашъ подъ деревомъ.“

Вольтеръ, Исторія Карла XII.

Мазепа.

I.

Счастіе измѣнило Шведскому Королю на поляхъ Полшавскихъ; онъ видѣлъ войско свое, обращенное въ бѣгство; храбрѣйшіе ратники умерщвлены въ глазахъ его. Могуцество и слава, войною прибрѣтаемая, — непостоянныя, какъ люди, которые за ними гоняются, — перешли на сторону побѣдоноснаго Царя — и Москва освободилась ошъ опасности.

Нашпанешъ день еще ужаснѣйшій, еще достопамятнѣйшій, когда пылающія Кремлевскія башни освѣщашъ позоръ и бѣгство непріятеля, несравненно славнѣйшаго и грознѣйшаго. Онъ будущъ свидѣтелями пораженія, еще гибельнѣйшаго; услышашъ ударъ грома, кошорый грянешъ еще страшнѣе и

разразился надъ главою завоевателя и изумленныхъ его воиновъ!

II.

Таково счастье сражений: раненый, обгаренный кровью своею и своихъ воиновъ, погибшихъ тысячами для спасенія Короля своего, Карль бѣжалъ по пущынямъ и переплывалъ рѣки. Тогда истина могла бы свободно укоряшь честолюбивое и униженное могущество гордаго самовластителя; но въ рядахъ его не слышно ропота.

Конь убитъ подъ Шведскимъ Государемъ; Полковникъ *Жиетта* уступилъ ему своего — и пошелъ поминуться въ Рускомъ плѣну. Новый конь бодро пронесъ его нѣсколько миль, но шакже палъ ошь усталости. Въ чащѣ лѣса, котораго глубокой мракъ освѣщался только кое-гдѣ сверкающими огнями передовой его спражи и пылающими кострами, служащими знакомъ для враговъ, его окружающихъ, Монархъ на голой землѣ распростеръ члены свои, оцѣпенѣвшіе ошь долговременнаго напряженія. Эпо ли лавры, это ли ложе покоя, за которое народы вооружаются и взаимно губяшь одинъ другой?

Монарха положили подъ дикимъ деревомъ: онъ упомленъ сраженіемъ и быстрымъ походомъ. Раны мучають его, члены замерли, ночь темна и холодна: припадокъ лихорадки не допускаеть къ нему сна съ минувнымъ успокоеніемъ. Карль по Царски переноситъ свое несчастіе. Его спраданія превосходяють мѣру; но онъ преодолеваетъ и боль и

скорбь и, повелишеть надъ собою, какъ недавно еще былъ повелишеть Царшвъ, налагаешъ на нихъ молчаніе.

III.

Полководцы окружають его . . . Увы! ихъ немного: бѣдствія въ одинъ день уменьшили число ихъ. По крайней мѣрѣ они умерли, какъ храбрые Рыцаре, Тѣ, коихъ пощадила рокъ, безмолвны и прискорбны, лежашъ подлѣ своего Монарха и рядомъ съ лошадьми своими: человекъ и животное равны въ дни опаснейшей, они товарищи въ несчастіи. Между ними, Гешманъ Украинскій *Мазепа*, воинъ хладнокровный и мужественный, спелешъ себѣ постелю подъ стѣною древяго дуба. Онъ самъ сполъ же крѣпокъ и почши сполъ же спаръ, какъ сей Царь лѣсовъ. Хотя повелишеть Украины былъ изнуренъ постѣшнымъ и шруднымъ походомъ; однако не забылъ коня своего: онъ подоспалъ подъ него листьевъ, пошрепалъ по шеѣ, разгладилъ гриву, опушилъ подпругу, разнуздаль его и чрезвычайно обрадовался, увидя, что онъ щинлешъ сухой ковыль. Онъ боялся, что ушомланный шрудною дорогою, онъ опшкажешъ опъ шравы, увлаженой росою. Конь былъ сполъ же привыченъ къ перенесенію шрудовъ, какъ и всадникъ его; онъ могъ довольшшвозашъся скудною пищею и опдыхашъ на черешвой землѣ. Быстрый, какъ въперъ, гордый, но покорный, онъ повиновался мановенію; вскормленный въ шабунѣ Ташарскомъ, онъ понималъ голосъ своего господина, узнавалъ его въ шодцѣ и, какъ

робкая лапъ, въ мракъ беззвѣдной ночи, готовъ бѣ-
жать по слѣдамъ своего всадника, ошь вечерней
зари до ушрекией.

IV.

Потомъ уже *Мазеп* началъ о себѣ заботиться;
разосплавъ свой плащъ на землю, приставилъ къ
дубовому пию копье, осмоирѣлъ ружье, открылъ
полку, чшобъ увидѣшь, не сыпался ли порохъ, при-
виншилъ кремень. Наконецъ, обнажилъ саблю до
половины, шопляшь вложилъ въ ножны и, вынувъ
изъ походной сумки грубую пищу, предложилъ
ее Королю и Вождямъ, съ меньшею робостью, не-
жели Царедворцы на пышномъ праздникѣ. Карлъ,
желая казаться веселымъ и презирающимъ раны и
несчастія, принялъ ее съ улыбкою.

„*Мазеп*,“ сказалъ онъ ему, — „мои воины не
уступають тебѣ ни въ силѣ, ни въ мужествѣ;
какъ ты, переносятъ они трудные походы; храбры
въ битвѣ и быстры въ лесучихъ отрядахъ; но
признаюсь, что со времени *Александра Македонскаго*,
земля не видала такой во всемъ сходной пары,
какъ ты и швой Буцефаль. Кто видѣлъ, какъ ты
мчишься по пустыни и переплываешь рѣки, для
глазь шого померкла слава Скиѣскихъ наѣздниковъ.“

„Да будетъ проклята школа, въ которой обучился
я верхомъ ѣздить!“ — отвѣчалъ *Мазеп*. — „По-
чему же?“ возразилъ Карлъ — „ты лихой ѣздокъ.“

„Ахъ“ сказалъ Гешманъ, „моя повѣсть долга; а
намъ не одну милю проѣхать оспалось и не одинъ

разъ доведется махнушь саблею прежде, нежели на другой берегъ Днѣпра успѣемъ переправиться. Вашему Величеству нужень опдыхъ; я буду охранять покой Вашъ.“

„Нѣтъ!“ вскричалъ Монархъ, „непремѣнно хочу слышать твое приключеніе. Сонъ улетаетъ опъ вѣждъ моихъ. Какъ знашь: можешь бышь твоя повѣсть усыпишь меня!“

V.

„Государь!“ сказала *Мизела*— „съ этою надеждою я гошовъ попревожишь мою семидесятилѣтнюю память. Думаю, что мнѣ тогда было двадцать лѣтъ; точно, двадцать лѣтъ... *Казимиръ* царствовалъ и весна шесть разъ обновляла землю съ тѣхъ поръ, какъ я находился при немъ Пажемъ. Янъ *Казимиръ* былъ любитель учености и совсѣмъ не походилъ на Ваше Величество. Онъ не любилъ сраженій, не завоевывалъ и не терялъ Царствъ и, выключая безпокойствъ Варшавскаго семейства, спокойно владычествовалъ. Конечно, и у него были свои заботы: онъ любилъ Музъ и красавицъ; иногда шѣ и другія выводили его изъ терпѣнія и онъ жалѣлъ, что не въ лагерѣ. Но онъ выбиралъ другую любовницу или новую книгу и — душа его прояснялась. Онъ любилъ давать пышные праздники. Жители Варшавы наполнились въ его чершюгахъ, удивлялись великолѣпію Двора его, пышнымъ нарядамъ Дамъ и шипой золошомъ одеждѣ его Царедворцевъ. *Казимиръ* былъ Польскій Саломономъ; шакъ назы-

вали его въ стихахъ всѣ Поэты, исключая одного, который не получивъ пенсіона, сочинилъ на Короля Сапиру и хвалился пѣмъ, что онъ льстивше не умѣетъ. Только и слышно было о пирахъ и каруселяхъ; всѣ Придворные сдѣлались Стихопворцами; мнѣ самому однажды посчастливилось нанизать нѣсколько десятковъ римъ. Я подписалъ подъ своею Элегією: *Несчастный Тирсисъ*.

VI.

Недалеко отъ столицы жилъ одинъ Воевода, знанной старинной породы, богатый, какъ соляной или серебряный рудникъ и надмѣнный, — Вы безъ пруда повѣрите — какъ будто бы онъ вышелъ изъ головы Юпитера. Его родъ былъ столь высокъ, а богатство столь велико, что рѣдкіе изъ Польскихъ Вельможъ могли съ нимъ равнять себя. Но онъ до того любовался своими червонцами и такъ часто перебиралъ пергаменные листы Родословной, что потерялъ умъ и вообразилъ, что весь ихъ блескъ, все ихъ достоинство отъ знаменишой его особы проискаешъ.

Жена его была различнаго съ нимъ образа мыслей; придцашью годами моложе своего мужа, каждый день болѣе и болѣе стяготилась она самовластіемъ гордаго Воеводы. Тайныя и долго скрываемыя желанія, надежды, опасенія, нѣсколько прощальныхъ слезъ при разлукъ съ добродѣшелью, два-три безпокойныхъ сновидѣнія, любовные взгляды молодыхъ Варшавскихъ въпрениковъ, серенады, балы, смягчающіе

самыхъ холодныхъ женщинъ, мало по малу, какъ это обыкновенно случается, произвели и здѣсь свое дѣйствіе. Красавица начала поминаться . . . разнѣжилась — и спѣсивый Воевода къ другимъ пышнымъ пишаламъ прибавилъ еще одно.

УИ.

Я былъ тогда прекрасный Пажикъ. Въ семдесятъ лѣтъ позволено похвалиться, что въ цѣлѣмъ возрастѣ мало находилъ я молодыхъ людей спашше себя и пригоже. Мнѣ хорошо было знакомо искусство нравиться. Я былъ силенъ, молодъ, веселъ. Лице мое совсѣмъ не походило на шеперенное: загорѣлая щеки блистали нѣжностью и румянцемъ. Годы, заботы и военные шруды изобразили чело мое и ожесточили душу. Моимъ тогдашнимъ знакомцамъ шрудно бы меня узнать теперь. Сія перемѣна произошла во мѣтъ гораздо прежде, нежели старость успѣла наморщить черты мои. Еслибъ погасли во мнѣ прежнія силы, храбрость и дѣятельность; то я не могъ бы забавлять васъ своими разсказами, въ темную ночь, подъ открытымъ небомъ.

Возвратимся къ моей повѣсти. Прелестная Тереза . . . Мнѣ мечтаешся, будто она мелькнула мимо эшаго каштановаго дерева. Памяшь ея жива въ моемъ сердцѣ!

Не нахожу словъ, изобразить вамъ стройность ея высокаго стана. Черноглаза, какъ Азіяпки . . . эпомъ цвѣтъ глазъ доспался въ наслѣдство нашимъ Поль-

камъ по сосѣдству ошь Турокъ... Изъ очей ея исходилъ тихій свѣтъ, подобный первымъ лучамъ новаго мѣсяца. Я часно уподоблялъ ясное чело ея свѣтлой поверхности озера, позолоченной солнечнымъ сіяніемъ: волны не колыхнутся и небо любилъ смощрѣться въ его зеркаль. Румяныя щечки, розовыя ушна... что могу я еще прибавить? Я любилъ, я люблю ее. Въ такомъ сердцѣ, какъ мое, спрасшь не знаешъ предѣловъ. Она вѣчна — и вечна прошедшаго со мною неразлучна.

VIII.

Я увидѣлъ Терезу, вздохнулъ; Тереза не сказала ни слова — но дала ошвѣтъ: есть тысяча движеній, тысяча взглядовъ, видимыхъ, понятныхъ и неизьяснимыхъ. Это невольныя искры мысли, вырывающіяся изъ души, пылающей любовью; посредствомъ ихъ, влюбленные имѣютъ чудное и таинственное сношеніе. Это кольца огненной цѣпи, копорая противъ воли сочешаваешъ два юныя сердца и какъ электрической мешаль, служишь проводникомъ ихъ взаимному пламени.

При свиданьи я вздыхалъ, въ разлукѣ шомился любовію. Робость мѣшала мнѣ объясниться. Наконецъ, я ей представлень и мы, не возбуждая подозрѣнія, могли съ нею иногда разговаривать. Это разъ я гошовъ былъ ошкрытъ; это разъ начиналъ говорить. Слова умирали на дрожащихъ устахъ моихъ. Однажды... есть игра, выдуманная для препровожденія времени, не помню, какъ она называется; — однажды, нечаянно, случилось

Терезъ со мною играшь въ нее. Я мало забошлся о выигрышъ и о проигрышъ. я видѣлъ, говорилъ, чувствовалъ себя близко пош, кошорую любилъ ешоль нѣжно. Я наблюдалъ за нею, какъ самый зоркій часовой: желательшо, чшобъ наша спража оберетала насъ съ такимъ усердіемъ! Красавица задумалась, не занималась игрою, не радовалась и не огорчалась перемѣною счастья; однако продолжала играшь. Казалось, шайная сила ее удерживала. Внезапная мысль, какъ молнія, блеснула у меня въ умъ. Я читалъ въ глазахъ ея, чшо она не осудишь меня умереть съ опчальнiя — и, запинаясь на каждомъ словѣ, объяснился. Рѣчь моя не блиспала краспорѣчемъ, но меня выслушали — и эшаго довольно. Женщина, одинъ разъ позволивъ говорить себѣ о любви, позволить эшо и въ другой разъ; эшо значить, чшо у ней не ледяное сердце — и первый опказъ не есть еще послѣдній.

IX.

Я любилъ и былъ любимъ взаимшо. Говораяшь, чшо Ваше Величество не подвержены симъ сладкимъ слабоспямъ. Я эшому вѣрю и пошпараюсь сокращить Историю моихъ наслажденiй и спраданiй: все эшо смѣшно и мѣлочно въ глазахъ Вашихъ. Осмѣлюсь шолько замѣнить, чшо не всѣ люди рождены повѣлывать спраспями, шакъ какъ Вы, Государь, повѣлываете себѣ и народамъ. Чшо до меня; шо хопя шакже владѣшель, или справедливѣе сказать, былъ владѣшелемъ и вождемъ многочисленнаго войска, ко-

торое, по моему мнѣнію, бросалось на всѣ опасности, — я не могу похвалиться, что имѣлъ надъ собою такую же власть, какую приобрѣлъ надъ другими.

Какъ сладка участь счастливаго любовника и какъ она переменчива! Рано или поздно онъ плащилъ ужасною цѣною за минуны блаженства. Мы тайно видались съ Терезою и для моего кипящаго нешеритня часъ свиданія приходилъ всегда очень поздно. Дни и ночи пролетали; я считалъ только часы радостнаго *вмѣстѣ*! Увы! я немного насчиталъ ихъ! Съ тѣхъ поръ не имѣя подобныхъ, за одинъ такой часъ, отдавалъ бы всю власть, всю славу и съ радостью согласился бы снова быть Пажемъ, обладателемъ одного только сердца. У меня тогда ничего не было, кромѣ шпаги и всѣ сокровища сославляли дары Природы: молодость и здоровье.

Таинственный часъ свиданія! Говорятъ, что скрытность придаетъ ему прелестей. Можешь быть, это и справедливо; но я охотно пожертвовалъ бы жизнью за счастье, хотя однажды торжественно назвалъ Терезу своею супругою. Не по сердцу мнѣ тайныя, непозволенные свиданія.

X.

Тысяча завистливыхъ глазъ присматривающъ за влюбленными; коварное любопытство не дремлетъ. Въ одну прекрасную ночь, подкупленные люди подстерегли меня и схватили.

Ясновельможный Папъ пренепеталь опъ бѣшенства. Я былъ безоруженъ; но и вооруженный, со шпагою въ рукѣ, что могъ бы я сдѣлать противъ множества? Я находился подлѣ его замка, далеко отъ города, лишень всякой помощи. Начинаю стѣпашь. „Наступилъ послѣдній день швой, пробилъ смершнй часъ швой!“ говорилъ я самъ себѣ. Между шѣмъ меня привели въ замокъ. Не знаю, что сдѣлалось съ моею Терезою: съ шѣхъ поръ мы не видался.

Вы можете себѣ легко представить, что гнѣвнй Воевода обошелся со мною не очень ласково. Онъ былъ правъ! Больше всего раздражала его мысль, что я взмушилъ чистый пошокъ его благородной крови, запяпшалъ гербъ его.

XI.

„Приведише дикую лошадь!“ вскричалъ онъ. И черезъ минушу лошадь стояла у крыльца. Это былъ благородный конь Украинской породы: гошовый лешѣтъ съ быспрошою живою мысли, онъ былъ дикъ, какъ дикая коза. Пойманный въ спешн, только за сушки, онъ не зналъ ни шпоръ, ни узды. Сей сынъ пустыни стоялъ передо мною съ подъяшою дыбомъ гривою, храпѣлъ, пѣнился опъ гнѣва и боязни; конюшйе крѣпко привязали меня на хребтѣ его, сняли съ него арканъ, пустили на волю. Мы полешѣли. Не шакъ быстро, не шакъ спремшительно водопадъ мчишся по ушесамъ.

XII.

Мы лѣзли; дыханіе мое занималось. Я не замѣнилъ, въ какую сторону помчалъ меня конь мой; это случилось на разсвѣтѣ; послѣдніе, слышанные мною звуки человѣческаго голоса были насмѣшки моихъ мучителей. Въперъ доносилъ ко мнѣ ихъ громкій хохотъ и звѣрскія восклицанія. Въ бѣшенствѣ я хотѣлъ оглянуться, оборвалъ веревку, которою былъ привязанъ къ лошадиной шеѣ, приподнялся до половины и послалъ имъ проклятія; думаю, что шопощъ скакуна моего помѣшалъ имъ ихъ слышать или, по отдаленности, онѣ не дошли до нихъ. Очень жаль этого: мнѣ бы хотѣлось за ихъ брань заплашишь бранью и оскорбленіемъ за оскорбленіе. Правда, что чрезъ нѣсколько лѣтъ я заплашилъ имъ долгъ свой съ лихвою: въ замкѣ ясновельможнаго врага моего не оспался камень на камень. Все сравнено съ землею. Нивы его вышопшаны и одна польна на нихъ раздѣвается. Путникъ, проходя мимо чертоговъ его, не замѣнитъ, что пушъ находилось когда нибудь жилище человѣческое; я видѣлъ, какъ пылающія башни замка и дымящіеся зубцы ихъ рухнули и засыпали рвы; я видѣлъ, какъ расплывшійся свинецъ огненнымъ дождемъ шекъ съ горящихъ закопченныхъ кровель. Толщина стѣнъ не защитила ихъ отъ моей мессы: онѣ преснули — и рассыпались. Жалкая сволочь, которая такъ злобно ругалась моимъ несчастіемъ, видя, какъ дикій конь стрѣлою помчалъ меня по степи, конечно не подозре-

вала, что я возвращусь къ нимъ въ непродолжительномъ времени съ десятью тысячами отважныхъ Козаковъ и возблагодарю Воеводу за его угощеніе.

Казнь моя была для нихъ праздникомъ: они безжалостно прикрутили меня крѣпкими веревками. Я опмстилъ ихъ.

XIII.

Мы летѣли на крылахъ вѣтра, оставляя за собою деревни и села. Мы разсѣкали воздухъ, какъ легкій метеоръ, сверкающій и угасающій, тогда какъ молнія на Сѣверѣ мгновенно освѣщаетъ темную ночь. Ни города, ни села не встрѣчали мы дорогою: во всѣ стороны широкое поле, на концѣ котораго вдали дремучій лѣсъ синѣлся, да кое-гдѣ мелькали башни крѣпостей, отъ Ташарскихъ набѣговъ построенныя. Я не видалъ нигдѣ слѣда человѣческаго. За годъ передъ тѣмъ, Турецкая Армія проходила сими степями; зелень не росла на мѣстѣ, орошенномъ кровью, изрытомъ копытами конницы; небеса были темносѣры; глухой вѣтеръ грустно свисалъ въ ковыль; мнѣ хотѣлось бы опивчашь ему вздохомъ; но мы неслись такъ шибко, что нельзя было ни вздохнуть, ни молишься. Холодный потъ капалъ съ меня на блестящую гриву скакуна; поздрн его раздувались отъ гнѣва и страха. Иногда мечталось мнѣ, что онъ бѣжитъ пише; мечталось! ибо тѣло мое было для него легкою ношею — и щекоча подстрѣкало его къ быстрѣйшему бѣгу. Каждое движеніе, сдѣланное мною для освобожденія опухшихъ и шерзасемыхъ

моихъ членовъ, умножало его страхъ и бѣшенство. Я пытался укротить его слабымъ голосомъ; но онъ пререпещалъ отъ каждаго звука, какъ отъ удара бичемъ, какъ будто отъ рѣзкаго зыка трубы военной. Узы мои обагрились кровью и горло засохло отъ пламенной жажды.

XIV.

Мы въѣхали въ обширный лѣсъ: конца его ни въ одной стороны нельзя было видѣть. Тамъ и сямъ возвышались вѣковыя деревья, копорыхъ крѣпкіе корни могли противостоять Сибирскимъ мяселямъ, все на пуши своемъ сокрушающимъ. Деревья стояли рѣдко и юныя опрасли, густыя и сѣнныя, росли подъ ихъ прародительскою сѣнью. Сіи кусты роскошно опушались весеннею зеленью. Еще далеко было до осенней поры, уснивающей землю багрянными листьями, подобными крови, запекшейся на шрупахъ воиновъ, лишенныхъ погребенія. Я замѣчалъ, что много деревьевъ недавно орублены: на площадкахъ возвышались шемный кашпанъ, крѣпкій дубъ и ель пирамидальная. Къ счастью, они стояли довольно далеко одинъ отъ другаго. Ихъ вѣтви гнулись, уступая намъ дорогу и щадили мое шло, и безъ того ишерзанное. У меня оставалось еще довольно силъ для перенесенія боли въ ранахъ, застылыхъ отъ спужи; я былъ шакъ крѣпко связанъ, что не боялся упасъ. Мы промчались, какъ вихрь, оставя за собою и лѣсъ, и кустарники, и цѣлыя стада волковъ, гнавшихся за нами, съ шю

неупоминимостью, которая часто приводить въ опчаяніе и алчныхъ исовъ и горячихъ охопниковъ. Они не осмѣляли слѣдовъ нашихъ до разсвѣта; нуно я увидѣлъ ихъ въ самомъ близкомъ отъ насъ разстояніи; ночью я слышалъ легкій шумъ ногъ ихъ за нами. Смерть была неизбежна; но я желалъ бы погибнуть съ мечемъ въ рукахъ, бросившись въ толпу непріятелей и окруживъ себя ихъ трупамн. Сначала мнѣ хотѣлось, чнподобъ лошадь моя скорѣе упомилась; шеперь боялся я, что она обезсилѣетъ. Напрасное опасеніе: она не измѣняла дикой своей породы; лешла, какъ легкая серна, какъ бѣлый свѣгъ, замѣтающій хижицу земледѣльца. Еще болѣе испуганная, еще болѣе разгоряченная, она сердилась, какъ диня, которому отказали дань игрушку, какъ женщина, которая выходитъ изъ себя въ минуту вспыльчивости.

XV.

Лѣсъ осмался позади насъ. Солнце совершило половину пути своего, и хотя это происходило въ Юнѣ, однако я не могъ согрѣться. Можетъ быть, кровь застыла въ моихъ жилахъ. Долгое спраданіе приводить въ уныніе самаго мужеспвеннаго чело-вѣка. Я тогда былъ не то, что шеперь: необузданъ, спремишенель, какъ зимній попокъ, я не успѣвалъ еще самъ себя дань опчепъ въ своихъ чувстввахъ и онѣ уже обнаруживались невольню въ моихъ дѣйствіяхъ. Ярость и страхъ, пышка изможденныхъ членовъ, спужа, голодь, спыдь и опчаяніе,

видѣшь себя обиженнымъ, привязаннымъ къ дикой лошади: развѣ эшаго недовольно было, чшобъ изнурить бранный тѣлесный составъ мой? Мудрено ли было ему, пасть подъ бременемъ столь многихъ золь, вмѣстѣ на него ополчившихся? Въ жилахъ моихъ текла кровь пылая; я происходилъ опъ предковъ, кошорыхъ гнѣвъ, мгновенно воспламеняющійся, походилъ на ярость змѣи, на кошорую пушникъ наступилъ дерзкою ногою.

Мнѣ казалось, что земля убѣгаетъ, что небо вершится кругомъ меня и что я падаю съ лошади: увы! мои пушы крѣпкими узлами были запянушы. Сердце мое сжалось, голова кружилась, жилы въ вискахъ бились или слишкомъ скоро, или совсѣмъ останавливались. Небо представлялось мнѣ колесомъ, безпрестанно капающимъ, деревья шатались. Вдругъ глаза мои потемнѣли: обморокъ! Не столь тяжко распадется душа съ тѣломъ! Терпя жесточайшія муки, я чувствовала, что взоръ мой померкалъ и снова открывался; шщетно усиливался я проглянуть и опамятовался; я походилъ на пловца, кошорый, спасаясь на доскѣ послѣ кораблекрушенія, по покроется волнами, по изъ нихъ выырнешь. Моя жизнь походила на тѣ мечтательныя молніи, кошорыя въ первыхъ припадкахъ горячки ночью блестятъ въ закрышыхъ глазахъ нашихъ; скоро она почти угасла; боль утихла; вмѣсто того я чувствовала какое то шоскливое безпокойство, неперносимѣе самой боли. Боюсь, что въ смертный часъ на-

добно будешь еще подвергнуться этой пытке. Я думаю даже, что при смерти нашей шоска еще умчипельте. Что дѣлашь! я всегда равнодушно встрѣчалъ смерть: она меня не испугаетъ.

XVI.

Внезапно я ономился. Гдѣ я? Чувствую холодъ, оглохъ и оцѣпелъ. Мало по малу члены мои оживають, жилы начали бинься; но сильный испугъ снова попрасъ всю мою внушренность; густая и замерзшая кровь бросилась къ сердцу. Ужасные звуки поразили слухъ мой: я началъ различать предмешы, хошя и пускло и какъ будто бы сквозъ толстый кристалъ. Мнѣ слышился шумъ волнь: я увидѣлъ звѣздами усянное небо. Это былъ не сонъ: лошадь плыла черезъ широкую рѣку; мы были уже на срединѣ и спремилсь къ уединенному и незнакомому берегу. Благотворная влага ушолла боль и члены мои почерпуди въ рѣкѣ спасительныя, хошя и скоропременноя силы. Мой благородный конь широкою грудью отважно разсѣкалъ волны. Мы доплыли до скользкаго берега: сія приспань не общала мнѣ конца моимъ бѣдствіямъ; за мною мракъ и опасность, впереди цма и ужасъ. Сколько часовъ все это продолжалось! не вѣдаю; я былъ ни живъ, ни мершвъ — и едва чувствовалъ въ себѣ жизнь.

XVII.

Конь мой вскочилъ на берегъ, кошорый, казалось, ошполкнулъ его. Влажная шерсть и грива его лоснились, члены шрепетали и опъ боковъ вспаваль

гусшой паръ. Онъ изпрягъ все силы и опять выпрыгнулъ на берегъ. Въ темнотѣ ночи безпредѣльная степь передъ нами разширалася; око не могло измѣрить ея ширину, подобную пропасти, во снѣ насъ пугающимъ. Мѣсяцъ, взшедшій въ правой споронѣ у насъ, освѣтилъ кое-гдѣ курганы, темнымъ дерномъ одѣтые и, какъ острова, во взволнованномъ морѣ бѣлаго ковыля плававшіе. Однако ничего похожаго на хижину вдали не открывалось — и гоешепримный огонь нигдѣ не свѣтился; даже блудящій огонь ни разу ложнымъ блискомъ своимъ не принесъ мнѣ опрады. Пущь бы онъ обманувъ меня, хопя на мигъ обрадовалъ! Онъ бы напомнилъ мнѣ о лицахъ человѣческихъ.

Х V I I I.

Силы скакуна моего ишощились; онъ шащился шагомъ и едва передвигалъ ноги; слабый маденецъ могъ бы весити его за поводъ. Увы! какую выгоду могъ я найши въ томъ, что присмирѣлъ дикій конь мой? Узы мои не ослабли, не развязались; но хопя бы, какимъ нибудь чудомъ, я опъ нихъ и освободился: по конечно не далеко бы ушелъ съ опухшими и окровавленными ногами. Я уже не разъ пышался разорвать веревки; но шолько шуже и шуже ихъ сшягивалъ, опъ чего боль сшановилась несноснѣ. По крайней мѣрѣ, я видѣлъ близкій конецъ моимъ сшраданіямъ.

Лучи, сквозь облака прокравшіеся, возвѣщили мнѣ утро. Какъ лѣниво всходило солнце! Я не могъ до-

ждашься того часа, когда совершенно разсвѣнешь и ночныя тѣни разсѣяшся. Между тѣмъ, пурпуръ прекрасно разрисовывалъ Восточное небо и звѣзды, съ приближеніемъ Царя свѣшили, потухали; а я обвинялъ солнце въ медленности.

XIX.

Наконецъ оно взошло; пары, носившіеся надъ степью, разсѣялись. Ни лѣсъ, ни рѣка, ни поле, не представляли мнѣ ничего опраднаго. Ни звѣрь, ни человекъ не напсчашлѣтъ на сухой землѣ слѣдовъ своихъ. Самый воздухъ безмолвствовалъ. Ни одно насекомое не жужжало, ни одна пшца не привѣствовала упреннее солнце. Мой конь, шякко дыша, проташлѣтъ меня нѣсколько верствъ по необитаемой дикой степи. Въ это время мнѣ слышалось ржаніе коней. Оно неслоь изъ чернаго сосноваго бора. Сперва я почелъ его стономъ вѣтра, качающаго деревьями; но увидѣлъ шабунъ дикихъ лошадей, къ намъ приближающихся. Я хотѣлъ закричать: успа мои запеклись и слились. Лошади гордо скакали вокругъ насъ: гдѣ же руки, управляющія браздами? Вижу тысячу лошадей и ни одного всадника. Ихъ хвосты развѣвались по волѣ вѣтра; никогда рука не играла съ ихъ длинною гривой, не пренала по ихъ гордой шеѣ, ихъ широкія поздри не спѣснялись намордникомъ, удила не окровавляли имъ рта, ихъ ноги не знали желѣзь, ихъ бока не уязвляли ни бичь, ни шпоры. Это шабунъ лошадей дикихъ, какъ волны Океана. Земля, какъ эхо грома, звучала подъ ихъ

копытами. Онѣ къ намъ приближились и конь мой спалъ поднимашь ноги проворнѣе. Онѣ хотѣль заржать съ радости; но неуспѣвъ нѣсколько дрожащихъ звуковъ, упалъ. Нѣсколько минушь шрепешалъ онѣ; но глаза его остодались и зрачки поухли: онѣ скорчился, прошанулся и издохъ.

XX.

Между тѣмъ шабунъ снѣжныхъ брашій его приближился; онѣ слышалъ послѣдній вздохъ его. Снѣ живонныя съ удвлениемъ смошрѣли на человека, кровавыми узами привязаннаго къ хребту ихъ товарища. Остодновились . . . содрогающа . . . дышашь недотрчиво . . . скачущъ шуда и сюда . . . еще разъ возвращающа, ошступающъ и разбѣгающа въ разныя стороны. Потомъ, послушныя вождю шабуна, черному, какъ воронѣ, скачущъ, удаляюща, прыщущъ ноздрами пѣну и, по врожденному чувству, испуганныя видомъ человека, въ ближнемъ лѣсу скрываются.

Они оставили меня опчаяннаго, привязаннаго къ лошадыному трупу. Ахъ! Онѣ уже не чувствовалъ гибельнаго времени, причины его смерти; времени, ошъ котораго желалъ бы я его избавишь. Мы оба лежали на землѣ, неподвижныя, и мертвыя и умирающія. Я совѣмъ опчаялся избавленія.

XXI.

Съ утра до вечера, находился я въ эшомъ бѣдшвенномъ положеніи, счишая часы лшшими спраданіями. Во мнѣ оставалось столько жизни, что-

бы видѣть захожденіе послѣдняго моего солнца. Я ждалъ смерти съ безнадежною рѣшимостью, съ какою ждуть ее шарикъ, предувѣдомленные годами о скоромъ ея приходѣ. Людямъ извѣстно, что она не пройдетъ мимо; а между тѣмъ, они берутъ прошивъ нее такія предосторожности, какъ будто бы это простая съшь, которой можно избѣгнуть. Мы часто желаемъ и зовемъ къ себѣ смерть, даже ищемъ ее въ битвахъ; но, чистосердечно сказать, встрѣча съ нею непріятна, въ какомъ бы видѣ она ни представилась.

XXII.

Чрезвычайно рѣдко, дѣши счастья, пресыщенные виномъ и роскошными брашнами на пиру жизни, прощающа съ нею столь безропотно и тихо, какъ бѣдняки и несчастливцы. Удивительно! Спранно! Первые всемъ насладились, всемъ наскучили; имъ оставался только страхъ потерять богатство, знатность, здоровье; послѣдніе надѣялись близкаго конца своимъ бѣдствіямъ. Имъ бы надлежало больше сердиться на смерть, которая выводила ихъ изъ свѣта, можетъ быть, наканунѣ того дня, когда постышло бы ихъ счастье.

XXIII.

Солнце садилось... Никакой надежды на освобожденіе. Я уже считалъ себя приговореннымъ, смѣшавъ свой прахъ съ холоднымъ прахомъ издохшей подо мною лошади. Тусклые глаза мои требовали смерти. Я обратилъ послѣдніе взоры къ небу — и

увидѣлъ между собою и солнцемъ ворона, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго моей смерти, чѣмъ началъ кровавый пиръ свой. Онъ плавалъ надъ нами, садился на землю и опять около насъ увивался. Широкія крылья его махали надъ моей головою; наконецъ, онъ подлетѣлъ ко мнѣ столь близко, что я могъ бы его ударить, еслибы имѣлъ силу; но легкое движеніе руки, горсть песку, тихо выброшеннаго, гробовой мой голосъ: все это его испугало и отогнало.

Далѣе, ничего не знаю. Помню, только очень неясно, о лучезарной звѣздѣ, которая привѣтно блеснула въ отдаленіи и тихо и колебаясь ко мнѣ приближалась. Помню, что я охолодѣлъ, что съ трудомъ опомился и опять обмеръ; потомъ какое-то легкое дуновеніе, возвратившее мнѣ чувства; пріятное, но непродолжительное ощущеніе бытія, какъ бы кусокъ льда, облегшій мнѣ сердце — и наконецъ пскры свѣта, блеснувшія въ глазахъ моихъ, болѣзненное дыханіе, ускоренное біеніе жилъ, дрожь, вздохъ и обморокъ.

XXIV.

Пробуждаюсь... Гдѣ я? Человѣческой ли образъ предо мною?.. Подъ крышею ли, въ хижинѣ ли нахожуся? На постелѣ ли размешаны мои члены?.. Взоръ ли подобнаго мнѣ смертнаго усремленъ на меня такъ тихо, съ такимъ благоволеніемъ? Въ сомнѣніи закрылъ я вѣжды и думалъ, что еще не прошелъ послѣдній обморокъ.

Молодая, стройная дѣвушка, съ прелестными кудрями, по плечамъ разбросанными, прислонясь къ стѣнѣ, смотрѣла на меня пристально. Пришедъ въ чувство, я былъ пораженъ яркимъ блескомъ черныхъ ея глазъ, нѣсколько дикихъ и на мои глаза устремленныхъ. И я въ свою очередь вперилъ на нее взоръ свой, желая удостовериться, не призракъ ли передо мною и узнать, на блѣдомъ ли я свѣтѣ. Она улыбнулась, замѣтивъ, что вѣжды мои раскрылися. Я хотѣлъ говорить, но языкъ не повиновался. Красавица подошла къ постелѣ и, приложивъ перстъ къ ушамъ своимъ, дала разумѣть, что мнѣ вредно дѣлать напряженіе и что надобно дожидаться возвращающагося шума. Потомъ, положивъ свою руку на мою, поправила изголовье, удалилась отъ меня безъ шума, тихо распахнула дверь и произнесла нѣсколько словъ въ полголоса. Никакое пѣніе не могло быть слаще сихъ звуковъ; самый шорохъ ея походки имѣлъ въ себѣ какую-то неизъяснимую прелесть. Тѣ, кого она звала, не откликнулись. Она вышла совсемъ изъ комнаты; но прежде взоромъ и знаками дала мнѣ знать, что здѣсь безопасно, что она хозяйка, что уходишь недалеко и скоро возвратишься. Со всемъ тѣмъ, мнѣ тяжко было чувство одиночества.

XXV.

Она вошла опять съ ошцемъ и матерью . . . Что вамъ сказать еще? Они подняли меня въ степи,

безъ чувствъ, перенесли въ ближнюю хату и возвратили къ жизни будущаго ихъ повелителя.

Такимъ образомъ бѣшеный шарикъ, желая продолжительными муками ушолить надо мною злобное свое мщеніе, пустилъ меня въ степь обнаженнаго, связаннаго, окровавленнаго . . . . Думалъ ли онъ, что этиъ связанныя руки будущъ носишь булаву Гешманскую? Кто изъ насъ можешь предугадать будущую судьбу свою? Не спанемъ отчаяваясь! Завтра же, можешь бышь, лошади наши будущъ щипашъ шраву на Турецкомъ берегу Днѣпра . . . . О какую теплую благодарносшь принесу я Небу, когда увижу Днѣпръ между нами и неприятелемъ! Добрая ночь, поварищи!“

Гешманъ заснулъ подъ шѣнью дуба, на лиственномъ ложѣ, имъ самимъ подосланнымъ. Онъ не находилъ его ни жесткимъ, ни новымъ. Воинственнѣй Гешманъ никогда не забоишься ни о мѣсшѣ, ни о часѣ: онъ засыпалъ шамъ, гдѣ сонъ заспавалъ его. Онъ спишь . . . Вы удивляешесь, что Карлъ не поблагодарилъ его за повѣсшь. *Мазепа* не дивилъ: прошло больше часа, какъ Монархъ спалъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Прелести деревни.

(Съ Французскаго.)

Нсразъ хвалили безъ ума
Деревню, приспанъ всѣмъ весельямъ.
Запѣй въ Поэмахъ нашихъ пма;
Не знаешь цѣны ихъ руководьямъ —
И Боже насъ оборони!
Но воспѣвая рощи, воды
И дикія красы Природы,
Не рѣдко поряшь дичь они!

*

Льсокъ распишешь ли? Какъ разъ
И вѣчный соловей воспѣешь!
Лужокъ разселяешь? На заказъ
И роза вѣчная алѣешь!
Повѣрь ихъ пѣснь: вдоль полей
Растушь репейники съ крапивой
И слышенъ галокъ хоръ крикливой,
И хоръ индеекъ и гусей!

*

Съ собачкой спядо у рѣки:
Вотъ случай мнѣ запѣшь Эклогу!
Но чпожь? — Бодаюся быки,
А шапка мнѣ кусаетъ ногу!
Ктожь пастушокъ? Прямой пастухъ!
Подъ тяжестью густой овчинки

Онъ скрипомъ хриплымъ волынки
Немилосердо рѣжетъ слухъ!

*

Сіянье томное луны
Влечетъ къ задумчивой дремотѣ;
Но гонитъ прочь мечтаній сны
Лягушекъ кваканье въ болотѣ.
Хочу заснуть безъ мешафору;
Но мнѣ и въ шомъ успѣха мало:
Комарій пискъ и мухи жало
На сонъ мой входящъ въ заговоръ!

*

Нѣтъ, воля ваша, Господа!
Но деревенскія забавы
Найду безъ лишняго труда,
Не оплучаясь изъ заставы.
Злой враль не шомъ же ли комаръ?
Репейники цвѣшуть въ Журналахъ,
Гусей встрѣчаю въ самохвалахъ,
А спѣсь индеекъ въ спѣси баръ.

К. В. *Вздохъ* ии.

*

Чельдь-Гарольдъ.

(Подраж. Немецкому.)

Въ сумрачномъ углу, съ мечнями,
Я одинъ въ пущомъ дому:
„Пажъ мой! мигомъ за друзьями! —
„Нѣшь шерпѣнья одному!..

Свѣчи сошнями зажглися;
Зала вся людьми полна:
„Пажъ мой! Госпи собралися:
Мигомъ — ужинъ и вина!
Погребъ выбери до дна!“

Вошь и я въ кругу веселомъ,
Слышу арфъ волшебный звукъ:
Тихо льещя шонъ за шономъ,
Все гармонія вокругъ!..

Но какимъ внезапнымъ спономъ
Пораженъ смущенный слухъ?
Сердце охладѣло вдругъ...
Кровь вся въ голову всупила!
„Прочь сихъ арфъ надгробный спонъ!
Мершвецамъ приличень онъ —
Насъ же радость посѣшила!“

Перебравъ за спромъ спрой,
Заиграли вновь арфисшы:
Слышенъ вопль сердишыхъ вой,
Гулъ громовъ и вѣшровъ свисшы.

Что за шумъ? Что слышу я?

Я и шакъ убишь поскою —

Иль вамъ смерть нужна моя?

Дайше мнѣ бѣжать, друзья!

Пропасъ, пропасъ подо мною!

Побѣгу въ шуманну даль,

Разсѣвашъ свою печаль:

Пажь! коня, коня скорѣ!

Я едва могу дышашъ...

Здѣсь, въ груди, мнѣ всё шѣснѣ...

Нѣшъ, мнѣ пушь еще больнѣ...

Нѣшъ, пошой коня сѣдлашъ!..

Не поишилъ на лугъ душисшый,

Иль на берегъ сей горисшый?

Пусто шамъ — и на горахъ!..

Не поишилъ въ сей боръ дремучій,

Гдѣ лешаюшъ врановъ шучи? —

Нѣшъ — шамъ холодно въ шѣняхъ!..

Въ сумрачномъ углу съ мечшами,

Я опяшъ въ пустомъ дому:

Свѣшишъ мѣсяцъ надъ водами;

Страшно ночью одному!

А. С. Норовъ.

Генсаль, 20-го Августа.

Посланіе къ А. И. М. Данилевскому.

Когда Горацій Меценаша
Въ своемъ Тибурѣ угощаль,
Не домъ, горящій блескомъ злаша
Любимца Августова ждалъ,
Но лугъ, пріюшь обычный спада,
Полянка, десятина сада,
Гдѣ вѣчень водъ падущихъ шумъ —
И въ сѣнь уединенну бука
Призвавъ, дружила ихъ Наука
И прелесшь стихошворныхъ думъ.

*

Тамъ, подъ Сабинскимъ чистымъ небомъ,
Краса Эольскихъ дочерей,
Младая Нимфа, съ солью, съ хлѣбомъ,
Встрѣчала дорогихъ гостей.
Простой обѣдъ, одно-два блюда
И свободенный изъ подъ спуда,
Залищый масломъ вѣковымъ —
Кувшинъ съ Фалерномъ ароматнымъ . . . .
Пиръ скудный! . . . но пирамъ ли знающимъ,
Равняшся, *Данилевскій*, съ нимъ?

*

Хорола жишель не Горацій;
Украина — не древній Римъ;
Но и въ пріюшь моихъ акацій
Проложенъ пушь мечшамъ благимъ!

Столиць намъ Зодчество безвѣсно;
Но гостю милому не шѣсно
Пѣвца въ обищели родной.
Она низка, вѣшка... ни слова;
Но добра мать моя гошова,
Чшо Богъ даль, все дѣлишь съ шобой.

*

Военнымъ ушомаясь развѣздомъ,
Пенашовъ посѣшишь моихъ
Не можешь ли хощь мимоѣздомъ? —
Хощѣль бы я въ кругу своихъ
Приняшь тебя борщомъ домашнимъ,
Съ усердемъ поселянъ всегдашнимъ
За швой приѣмъ благодарить
И всей швоей семьи почтенной
Моэша влагою безпѣнной
Здоровье въ своемъ домѣ цышь.

Аркадій Родзянка.

Полліонъ.

(Наъ Виргиліа.)

Эклога III.

Содержаніе.

Эклога сія ошлосишя ко времени примиренія между Октавіемъ и Антоніемъ. Народъ Римскій, упомленный междоусобною войною и раздорами, надѣлся, наконецъ, наслаждашья споль давно желаемымъ спокойствіемъ и безопасностію. Виргилій посвятилъ сію Эклогу Полліону, своему благодѣтелю, которій очень много спосишшесшвзвалъ заключенію мира между враждующими споронами.

Сія Эклога содержишь предсказаніе о блистательной участи одного знаменшой крови младенца, котораго ни родъ, ни имя намъ неизвѣстны. Сшихотворецъ воспользовался извѣстными книгами Сивиллы, въ которыхъ предсказано о возвращеніи на землю золотаго вѣка.

Музы Сициліи, пѣсней, но о важнѣйшихъ предметахъ!

Всѣ не можешь любяшь лѣса и смиренныя кущи;
Спанемъ пѣшь о лѣсахъ, но досшойныя Консула
пѣсни!

Вѣкъ послѣдній, Сивиллой обѣщанный намъ, наступаетъ:

Въ прежнемъ чинѣ шперь пошекушь уже новыя
вѣки;

Съ неба слетѣла Асирѣя и Царство Сатурна на-
спало;

Новый родъ челоѣкъ посланъ съ Олимпа на землю.
Будь благосклонна младенцу, который въ свѣтъ
сей родился,

Въкъ золотой возвращишь, прекратишь въкъ бѣд-
спвйй желѣзный.

Чисная дѣва Луцина! Твой братъ Тебѣ воцарился.
Ты, Поллонъ! Еще Консуломъ дни споль славные
узришь;

Въ новомъ порядкѣ ходъ великихъ мѣсяцовъ свѣшлый.
Еслижъ не всѣ на землѣ изгладилъ слѣды преспу-
пленій,

Ты, вождь нашъ надежный! шо скоро землю очи-
спяшь.

Жизнь опъ Боговъ онъ получишь, увидишь, смѣ-
шенный съ богами,

Сонмъ Героевъ — и самъ онъ видимъ въ ихъ сонмѣ
владыкой

Мира, которому доблестъ опца его миръ возвра-
шила!

Дивный младенецъ! Тебѣ земля безъ шрудовъ и
усилій

Въ даръ принесешь бродящій плюмъ и алыя розы,
Дикій баккаръ, грудоягодникъ, вмѣстѣ съ веселымъ
аканшомъ.

Сами въ загонъ возвращающа съ млекою налишыми
сосцами

Козы; не будущъ стада перевозимы грозными львами;

Вкругъ колыбели швоей запеспрѣюшь цвѣшы бла-
говонны;
Люшые зміи изсохнушь; шравы съ обманчивымъ,
скрыщымъ
Ядомъ погибнушь; вездѣ расцвѣтешъ кардамонъ
Ассирійскій.

Но возрастая, когда развернешъ шы льшописъ
славы,
Повѣсшь о доблесняхъ предковъ, опща о подвигахъ
дивныхъ:

Гибкіе класы мало по малу поля позолошашъ,
Въ крупныхъ кишяхъ виноградь на безплодныхъ
деревьяхъ созрѣешъ;

Жесткіе дубы съ листовъ закаплюшь медвяную
росу.

Еслижь останушя древнихъ слѣды злодѣяній и если
Ачносшь ко злашу умчишь пловцовъ въ бурливое
море,

Гордосшь ограды создасшь; а нужда въздѣлаешъ
землю;

То вновъ явишя Тифисъ и новой дружинѣ Героевъ
Пушь въ Колхиду укажешъ. Еслижь опяшь заки-
пишь брань;

То подшупишь новый Ахиллъ подъ новую Трою.

Но когда, о юноша! шы возмужаешъ; погда ужъ
Плавашъ купцы зарекушя; сосна же, преобразившисъ
Въ судно, не спашешъ грузъ мчашъ по морю; бу-
дешъ и шощій

Кряжь плодороденъ; плугъ драшь землю, коса стричь
лозы

Гроздїй забудешъ; воловъ оспрѣшишь ошь плуга
орашай;

Больше не нужно волиѣ заимствовашь красокъ раз-
личныхъ :

Каждый овень цвѣшь шерсти своей гуляя въ лугу
дерекрасишь;

Мягкой багряной волной Природа аглицевъ одѣнешь.

Парки сказали своимъ верешенамъ : „Кружись,
прядише

Вѣки, подобные симъ ; шакъ рокъ повелѣлъ непре-
ложный!“

Оспрасль великаго Зевса , младенець, богами лю-
бимый!

Быстро къ славѣ лети, когда швое время насту-
пиль!

Видишь : земля, широкое море, глубокое небо,

Сводъ шяжелый и выпуклый міра и все всколебалось!

Видишь, какъ все ждешь съ нещерпѣньемъ желан-
наго вѣка!

Еслибъ возможно жизни моей еще продолжишься

Сшолько, чшобъ могъ я швои дѣянья прославиль :

То ни Оракійскимъ Орфеемъ, хошя онъ сынъ Кал-
ліопы,

То ни Линусомъ славнымъ, хошя онъ сынъ Апол-
лона,

Я не боюсь, я бышь не могу шогда побѣжденнымъ!

Пань, самъ Пань . . . . пусть насъ паешухи Аркад-
скіе судяшь! . . .

Будешь мной побъжденъ въ игрѣ на сельской сви-
рѣли!

Милый младенецъ! Начни познавашъ улыбкою матеръ!
Съ первою лаской швоей она позабудешь долгиа
вуки:

Знай, надъ чьей колыбелью родители не улыбалсь,
Тотъ не достоинъ ни пира боговъ, ни ложа богини!

Воейковъ.

Дернть, 1817.

Къ счастливцу.

(Изъ Горациа).

Смотри, какъ побѣлѣлъ въ снѣгахъ
Соракль угрюмый; спали воды,
Въ желѣзныхъ скованныя льдахъ;
Губи морозъ и непогоды!

Огонь въ горнилѣ разведи,
Сабинской не жалѣй діюшы,
Почаще изъ несъ цѣди —
Всѣ прочія — богамъ забошы!

Веляшь! — и спихнешъ въшровъ бой
Морей съ кипящими волнами,
И въшви ясени молодой
Силешутся сънью передъ нами.

Что будешь завтра, не пытай,
Минушой пользуюсь влапою;
Грудь для любви не запирай,
Дружася съ юною красою.

Пока любви понашенъ гласъ,
Власовъ не убъмила старосшь,
Лови свиданья легкй часъ,
Пей съ устъ прелесныхъ жизни сладость!

Когда же дерзкая рука
Вкругъ спана милой облегаешъ
И дъва въ сумракъ слегка
Твое лобзанье опклоняешъ, —

Счастливецъ, вспомни объ одномъ:
Не расцвѣшущъ увядши розы;
Чтобъ на сердцѣ не жгли огнемъ
Красы обманушыя слезы!

В. Орловъ.

Царское Село.

Прощальная пѣснь умирающаго Цикна.

Проси, моя радость! Простите, забавы!

Последній мой съ вами свиданія часъ;

Исчезли при гробѣ всѣ призраки славы

И пламень любви — на вѣки угасъ! . . .

*

О други! въ честь Вакха — вы пейте прекрасный,

Пурпуровый нектаръ — сей чашей златой;

А ты, Зевсъ Спигійскій! (*) бышь можешь, въ ужасный

Сей вечеръ, я буду пить вмѣстѣ съ тобой!

*

Наиса, мой Ангель! Наиса, другъ милой!

Къ моей ты могилѣ печально придешь

И вспомнишь о другѣ съ тоскою унылой,

И горькія слезы пошолокомъ прольешь!

*

О други! Въ честь милой — фіаль благовонный

Мы выпьемъ съ улыбкой привѣтливой вновь!

Ахъ, скоро наступитъ мой часъ похоронный —

И въ сердцѣ холодномъ просынешь любовь!

*

Не плачь же, Наиса, не плачь, другъ безцѣнный!

Престань сіи слезы горячія лишь!

Уже ли ты спашешь остатокъ мой пѣнный

Споль пламеннымъ сердцемъ — и въ гробѣ

любишь?

*

(*) Такъ древніе называли Плутона.

Уже ли ты хочешь — увянуть съ зарею
Цвѣшущихъ, какъ роза, дѣвическихъ лѣтъ? . . .
Ахъ! . . . въ гробъ ужасномъ, подъ холодной землею,
Сей пламенной спрасши, прекрасная, нѣтъ!

*

О други! Осушимъ дно чаши прощальной;
Осушимъ въ честь спрогихъ Аѳинскихъ Судей!
Ихъ также проводяшь къ могилѣ печальной;
Ихъ также бышь въ мрачномъ жилищѣ шѣней!

*

Когда же положашъ меня со слезами,
Съ унылою скорбью, въ могилу мою;
Вы скромными урну украсьте словами:
„Онъ встрѣшилъ съ улыбкой кончину свою!“

*

Прости же, Наиса! Прости, другъ мой нѣжный! —
Ужь небо зашился вечерней зарей, —
И скоро ударитъ мой часъ неизбѣжный,
И холодное сердце засыплюшь землей!

Дм. Тимофѣевъ.

Нижній-Новгородъ.

У н ы н и с .

Куда, куда сокрылся ны,
Веселья лучь неумолнмой!
И наслажденья и мечтны
Съ шобой умчались невидимо.

Душа забыла, чѣмъ жила;
Она знашь радость разучилась;
Надъ жизнію печали мгла,
Какъ мракъ густой, распространилась,

Среди морей, подъ кровомъ шучь
На челнокъ пловець блуждаешь:
Ему вездѣ дня блѣдный лучь
Лишь даль пустую освѣщаеть.

Какъ онъ — надежды лишена
Душа моя; она уныла,
Она угрюма и мрачна,
Какъ ночью хладная могила.

Ей счастья одичаль привѣсть,
Любовь въ ней къ жизни оштыла,
Ей спалъ пустыней скучной свѣсть,
Она къ утѣхамъ охладѣла.

О! возвратись и озари
Ее опять, земная радость,
Какъ юный лучь златой зарі
Дарить шворенью упра сладость!

А. Г. — въ.

Печашашъ позволяешся. Ноября 10-го дня, 1824 года.

Цензорь А. Бирюковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

Д Е К А Б Р Ъ , 1824.

П Р О З А.

Авреліо.

Повѣсть въ девяти картинахъ.

Der liebeglühende Schmetterling stürzte sich in die Flamme, und sie verzehrte sein schwachendes Herz und verlöschte.

Картина первая.

Въ то время, когда города благословенной Италіи пылали междуусобною бранью Джибеллиновъ и Гельфовъ, Авреліо и Себастьянь, два Флореншинскіе юноши значнаго происхожденія, спускались на спашныхъ коняхъ своихъ въ долину Арнскую, въ копорой разспилается величественная Флоренція съ своими гордыми дворцами и башнями.

Среди веселыхъ и невинныхъ игръ провелъ Авреліо годы безпечнаго младенческаго на берегахъ Арно. Отець его, Вареоломей *Джерардини*, увлеченный бурю гибельныхъ паршій, не имѣя средствъ къ образованію единственнаго сына, ввѣрилъ его попеченію дяди, по имени Тебальдо, кошорый шихо проводилъ оспашнокъ дней своихъ въ уединенномъ замкѣ.

По смерти стараго дяди, Авреліо покинулъ опустѣвшій замокъ, чшобъ возвратиться въ родимую Флоренцію, куда уже давно сердце влекло его непреодолимою силою. На дорогѣ встрѣтился онъ съ веселымъ Себастіаномъ, товарищемъ его юности, который, не слѣдуя примѣру молодого задумчиваго *Джерардини*, легкомысленно забывалъ прошедшее и, не заботясь о будущемъ, жадно ловилъ одни лишь быспропечныя мгновенія настоящаго. Авреліо радъ былъ продолжашъ путь свой съ веселымъ другомъ.

При видѣ Флоренціи воскресли предъ взорами его всѣ прелести минувшей юности, какъ бы пробужденныя волшебною силою. Свѣплыя волны Арно навѣвали на него прохладу; розовымъ блескомъ облилась свѣжая зелень деревь; бѣлыя дымныя облака стремились въ слѣдъ закашнвшемуся солнцу; на сннемъ Западѣ алѣла заря, сливаясь съ рѣзвыми волнами Арно.

Съ умиленіемъ сердечнымъ привѣтствовалъ онъ деревья, кустарники и рощи своей опчизны. Ему казалось, какъ будто спалъ онъ глубокимъ и долгимъ сномъ и проснулся теперь въ знакомыхъ окрестностяхъ. Долго взоръ его покоился на благовонной липовой рощѣ, неизгладимо впечатлѣвшейся въ его памяти. Здѣсь, будучи ребенкомъ, неуспрашимо взбирался онъ на снншья вершины деревь и съ рѣзвою радостію качался на гибкихъ вѣшвахъ. Въ сей-то рощѣ обрушился однажды коварный сучокъ и юный Авреліо упалъ на облаженные корни дре-

весные. Онъ разбился до крови и не могъ припод-
 няться. Тушь прибѣжала изъ темной сѣни пре-
 лесная дѣвушка: взглянувъ съ душевнымъ уча-
 стіемъ на бѣднаго Авреліо, она шелковымъ плащомъ
 своимъ оперла кровь на лицѣ его, ушѣшала его нѣж-
 нѣйшими ласками и наконецъ, примолвивъ: „Прощай
 же шеперь, милый другъ мой! Бапюшка Ринальдо вѣрно
 беспокоится о долгомъ моемъ отсутствіи,“ — умча-
 лась, какъ быстрая серна. Черныя кудри ея взвилися
 и обнажили бѣлоснѣжную шею. Авреліо, въ сердцѣ
 коего глубоко впечатлѣлось внезапное явленіе милой
 дѣвушки, тихими шагами побрелъ домой. На дорогѣ
 встрѣсилась съ нимъ старушка и спросила съ
 внушреннымъ безпокойствомъ: „Не видаль ли ты
 нашей Лукреціи? Сохрани Боже, если Ринальдо
 узнаешь, что рѣзвая дочка его опять ускользнула
 и бродишь по трощѣ одна одиноконька!“ — „Не без-
 покойся, бабушка,“ отвѣчалъ Авреліо: „Лукреція
 была дѣйствительно здѣсь, но возвратилась уже къ
 ошцу своему.“ Старушка, услышавъ сіе, поспѣшно
 удалилась.

Вскорѣ послѣ того молодой *Джерардини* оставилъ
 Флоренцію. Съ того времени не видаль онъ преле-
 сшной дѣвушки; но имя и черты ея глубоко врѣза-
 лись въ сердцѣ его, пылкомъ, чувствительномъ.

Авреліо погрузился въ сладосныя мечшы о
 прекрасныхъ дняхъ минувшей юности, о невинныхъ
 играхъ и забавахъ, которыя ожили предъ нимъ со
 всемъ очарованіемъ. — „Мы должны быть оспорожны,

Авреліо!“ — сказалъ наконецъ Себастіанъ. „когда сегодня ввечеру будемъ проѣзжать черезъ городъ: здѣсь невинный пощомокъ спражденъ за давнее преступленіе предка. Я не страшусь смерти на полѣ брани, за честь и благо отчизны; по измѣны и шайнымъ убійства, свирѣпствующія, какъ спрашная зараза, подъ небомъ счастливой Италіи, наполняютъ сердце мое ужасомъ и уныніемъ.“

Авреліо содрогнулся: такъ громъ внезапной весенней грозы поражаетъ мирныя хижинны поселянъ! Сладосныя мечты юности, уже воскреснувшія опъ долгаго усыпленія, вдругъ опять исчезли и унесли съ собою все радости жизни. Ужасы взаимной ненависти, низвергающей въ бездну гибели два цвѣтущихъ поколѣнія, предстали въ кровавыхъ чертахъ его воображенію. „Увы!“ вздохнулъ онъ — „кто повѣритъ, что жилиши сихъ роскошныхъ долинъ отправляютъ крашкую жизнь свою поспыдною враждою? Ахъ! И я долженъ буду обогришь мечъ невинною кровью; долженъ буду ненавидѣшь — или меня почшущъ недосшойнымъ моихъ предковъ!“

Онъ соскочилъ съ коня. „Оспавъ меня здѣсь, Себастіанъ! я скоро послѣдую за тобою. Мрачныя мысли взволновали сердце мое: въ такомъ состояніи не могу явиться къ родителю. Не безпокойся обо мнѣ, другъ мой: ты меня знаешь!“

Себастіанъ засмѣялся: „Какъ ты хочешь, спрашный человекъ! — Купайся здѣсь въ вечерней росѣ, а я

между стѣмъ дома орошу уста свои сверкающимъ виномъ.“

И при сихъ словахъ онъ пустилъ коня и поскакалъ по дорогѣ, ведущей во Флоренцію, вмѣстѣ съ служилемъ и конемъ своего друга.

Авреліо бросился на деривъ, испещренный цвѣтами. Умирающей свѣтъ вечерней зари едва багрянилъ Западъ. Непонятная шоска тяжелымъ камнемъ упала на сердце юноши. „Опца моего я не знаю и никогда не зналъ его;“ — говорилъ онъ со слезами: „онъ принужденъ былъ всю жизнь свою бороться съ вихремъ враждебныхъ партій; онъ не могъ жить для своего семейства. Въ безмолвной горести увяла мать моя преждевременно: она не перенесла ужаснаго зрѣлища неслыханныхъ преступленій, предъ очами ея совершенныхъ.“

„О мать моя! — спелась онъ, снѣдаемый шоскою — „тебя ужь я не увижу, когда возвращусь въ опчизну послѣ долгой разлуки. Ты не прижмешь меня къ своему сердцу, не будешь спрашивать съ нѣжною ласкою: зачѣмъ ты надѣлалъ мнѣ шолько безпокойства, Авреліо? Гдѣ ты былъ шакъ долго, любезный сынъ мой? — Тебя зарыли въ мрачную могилу и я шщешно взываю къ хладной землѣ: О мать моя! швой Авреліо здѣсь; онъ хочеть уенуть въ швоихъ объашіяхъ. Ты не внимешь ему, ты спишь сномъ непробуднымъ.“

Онъ приникъ головою къ мягкой шравѣ и слезы полились ручьями изъ очей его. Благовонные цвѣшны

орошали горяція ланишы его прохладительною росю. Въ ближнемъ кустарникѣ соловей оглашалъ окрестность протяжными, сладостными звуками.

Вдругъ раздался дикій голосъ: „Встань, юный Випись! Поспѣши домой! Дорога къ Флоренціи опасна въ почное время.“

Картина вторая.

Авреліо оглянулся: предъ нимъ стоялъ спарець, согбенный подъ бременемъ лѣшъ.

„Мечъ защитникъ мой!“ — гордо отвѣчалъ юноша.

Спарець улыбнулся и посмотрѣлъ на него съ участіемъ. „И благородный Франческо,“ вѣщаль онъ, „не слушался моихъ совѣтовъ: онъ по же надѣялся на свой испытанный Рыцарскій мечъ; но онъ не спасъ его отъ убійственной спали *Джерардини*.“

Изумленный Авреліо успремилъ глаза на спарца: „Отъ убійственной спали *Джерардини*, говоришь ты? Знай же, спарець, я самъ“ . . . . Но вдругъ, опомнясь, продолжалъ: „Я чужестранецъ, не знаю Флоренціи, не знаю, что происходило въ семь городѣ; вѣщай, что разумѣешь ты подъ убійственной спалью *Джерардини*?“ — И въ сильномъ движеніи схвативъ руку спарца, воскликнулъ: „Говори, другъ мой, что знаешь ты про убійственную спаль *Джерардини*?“

Спарець, смотря на него съ удивленіемъ, отвѣчалъ спокойно: „Если ты идешь во Флоренцію, благородный Рыцарь; по пойдемъ вмѣстѣ. Дорогою раз-

скажу тебѣ печальную повѣсть о моемъ несчастномъ господинѣ.“ — „О швоемъ господинѣ?“ — спросилъ Авредіо.

„Точно шакъ! о моемъ добромъ молодомъ господинѣ“ — съ горестію ошвѣчалъ спарець. „Будучи еще младенцемъ, сколь часто Франческо покоился на моихъ колѣняхъ; злоба человѣческая повергла его въ могилу во цвѣщѣ дней. Болѣе шридцати лѣтъ, повѣрь мнѣ, честно и усердно служилъ я покойному опцу его, сильному Ринальдо *Инфангати*; а злополучнаго Франческо, его единшвеннаго сына, делѣялъ я съ младенческихъ лѣтъ. Увы! почшо не могъ я защишишь его въ шощъ гибельный вѣчеръ?“ Спарець умолкъ. На краю горизонша воздымались громовыя шучи; но спокойно и весело мелькали звѣзды на шемносинемъ небѣ и озаряли пушь спранниковъ шихимъ, брежжущимъ свѣщомъ.

„Ты конечно не слыхалъ еще, благородный Рыцарь,“ продолжалъ спарець — „о прелестной Лукреціи, кошорая плѣнишельнымъ взглядомъ очей обворожала всѣхъ Флореншинскихъ юношей. Изнывая въ мучишельной спрасши, они забывали увеселенія пышнаго города: днемъ занимались сочиненіемъ любовныхъ пѣсенъ въ честь прекрасной Лукреціи, а вѣчеромъ давали ей серенады, сопровождаемыя сладкими звуками гитары. Легко можно себѣ предшавишь, что эшо произвело вражду и кровавыя распри.“

„Часто Донна Лукреція выходила на балконъ и скромно поливала цвѣты свои, не удостоивая спрасныхъ пѣвцовъ ни единымъ знакомъ своей благосклонности; ибо нѣжное сердце ея неизмѣнною любовію привязано было къ брату Франческо, который также единственно жилъ для сеспирѣ своей и всегда готовъ былъ жертвовать ей всеми благами жизни.“

„Однажды Леонардо *Джерардини*, сынъ Тебальдо, незадолго предъ симъ скончавшагося въ уединенномъ своемъ замкѣ, увидѣлъ, во время Карнавала, прелесную Лукрецію. Мгновенно сердце его загорѣлось пламенемъ неодолимой спрасни. Ты знаешь, юный Вишязъ, что фамилія *Джерардини*, преданная *Джибеллинамъ*, питаетъ свирѣпую ненависть къ *Инфангато*, упорнымъ приверженцамъ паршіи Гельфовъ. Посему-то бракъ Леонардо съ Лукреціею былъ дѣломъ несбыточнымъ: скорѣе луна упала бы съ неба!“

„Сила любви и дерзкое шщеславіе завлекли несчастнаго Леонардо въ тяжкія преступленія. Онъ рѣшился пожертвовать любви своей ненавистнымъ Франческо, а попомъ похищать беззащитную Лукрецію изъ замка брата, прежде нежели она успеетъ удалиться къ родственникамъ. Смущеніе слугъ, внезапно лишенныхъ своего Господина, должно было облегчить гнусное злодѣяніе. Подъ ложнымъ предлогомъ выманилъ онъ за городъ благороднаго юнѣшу, ничего не подозрѣвавшаго и подъ кашшано-

вымъ деревомъ, мимо коего идешь наша дорога, панесь ему смертоносный ударъ скрытымъ книжалою.“

Спарецъ умолкъ и долго смотрѣть на юношу. „Что съ тобою сдѣлалось, юный Випязь? Почему сія повѣсть погрузила шебя въ глубокою думу? Я вижу при блескъ молній, что лицо швое покрылось смершною блѣдностью. Увы! иногда мнѣ кажется, что вижу свирьнаго *Джерардини*, перзаемаго муками смерти и совѣши; но всманриваясь въ лице швое, мнѣ кажешся оиашь, что предо мною стоишь крошкѣй, добродушный Франческо. Ахъ! и моя сѣдая голова совѣмъ помѣшалась опъ воспоминаній о гнусномъ Леонардо.“

„Разсказывай, спарецъ!“ — воскликнулъ Авреліо дрожащимъ голосомъ — „разсказывай о несчастномъ сынѣ Тебальдовомъ, о несчастной Лукреціи!“

„Вѣрные служители зацщили ее опъ нападенія коварнаго злодѣя; но прекрасная Лукреція, опъ внезапнаго испуга, лишилась разсудка. Теперь находишь она подъ опеческимъ надзоромъ своего дяди Пандольфа. Леонардо не долго пережилъ свое злодѣяніе. Преслѣдуемый призракомъ умерщвленнаго имъ Франческо, онъ бродилъ еще нѣсколько дней по замку сшараго Варѣоломея, кошорому онъ препоручень былъ опцемъ своимъ Тебальдо. Медленно исчезая, подобно шѣни, онъ умеръ наконецъ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ совѣши и, шакимъ образомъ, избѣгнулъ месши, пригошвленной коварному убійцѣ

гордыми Начальниками Гельфовъ, и особенно могущимъ Пандольфо. Но грозное мщеніе пѣкогда грянешь — и тогда горе старому Вареоломею!“

„Ужели“ — спросилъ Авреліо, оцѣпенѣвъ отъ ужаса — „ужели Вареоломей участвовалъ въ семь неисповомомъ злодѣяніи?“

— „Такъ полагають“ — возразилъ старецъ; — „не могу судить о сердцахъ людей. Скоро и сокровеннѣйшія мысли его предстануть Суду небесному. Всемогущій да помилуетъ душу его!“

„Вотъ тамъ, близъ эшаго источника, благородный Рыцарь, тамъ невинная кровь Франческава оросила увядшіе цвѣты кашпановаго дерева. Я повелъ бы себя охотно къ этому плачевному мѣсту; но спрашно мнѣ, во время ночи, спуцишь на кровь убишаго юноши. Гроза усиливается: ослабѣвшія чувства мои не переносятъ ужасовъ Природы. По эшой тропинкѣ скоро достигнемъ заднихъ воровъ Пандольфова зѣмка. Не хочешь ли ночевать у меня: будь моимъ гостемъ!“

„Нѣтъ! нѣтъ!“ — вскричалъ Авреліо — „въ зѣмкѣ Пандольфовомъ нѣтъ для меня спокойствія! Чшо мнѣ тамъ дѣлать? Ужели и мнѣ лишишься ума, подобно несчастной Лукреціи? Тамъ гибель моя неизбѣжна. Не шуда ведетъ дорога моя. Пусть гнѣвное небо пылаетъ въ сокрушительномъ пламени: гнѣвъ его справедливъ.“ — Покачавъ головою, въ недоумѣніи удалился старый служилецъ Франческавъ.

Картина третія.

Звѣзды угасли въ мрачныхъ шучахъ, облекшихъ небо со всѣхъ сторонъ и грозившихъ обратишь землю въ одну пространную могилу. Природа ужаснулась. Буря съ ревомъ мчалась отъ Запада; вдали ревѣлъ уединенный попокъ и быспрыя молніи раздирали черную завѣсу ночи.

Всеобщее смяченіе стихій нѣкоторымъ образомъ радовало Аврелію; но не могло заглушить ужасной бури, въ душѣ его свирѣпѣвшей. Довѣренность къ благородному великодушію пресварѣлаго отца, въ жестокихъ перзаніяхъ, вырывалась изъ сердца его: оспалась въ немъ одна только пустоша мучительная. Образъ Лукреціи предсталъ душѣ его въ небесной прелести: онъ вспомнилъ лѣша безпечнаго младенчества; вспомнилъ, какъ чувствительная дѣвушка опирала кровь съ лица — и всѣ члены его оцѣпенѣли.

И мнилось ему, что отъ роковаго дерева, подъ коимъ погибъ Франческо, несущая къ нему на крыльяхъ бури звуки жалобные, опривистые.

Ужасное предчувствіе стѣснило сердце Аврелію; смертная дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Онъ долго боролся; но сила неопразимая увлекла его къ пагубному мѣсту.

Онъ стоишь подъ каштановымъ деревомъ; — звуки умолкли и буря и дождь шумѣли въ высокихъ вершинахъ. Яркая молнія пробѣжала надъ нимъ обширную полосою — и онъ увидѣлъ предъ собою юную дѣву, блѣдную, какъ смерть. Бурный

въсперъ развѣвала ея черныя кудри; въ ночномъ мракѣ стояла она неподвижно, подобно мраморному исшукану. И въ яркомъ сіяніи мгновенныхъ молній пламенный взглядъ ея вспрѣпился съ очами изумленнаго юноши. Свершилось все! Тщешное бореиe! Сила всемошная приковала его къ землѣ. Душа его на вѣки принадлежишь несчастной Лукреціи.

Ночь сдѣлалась шемнѣе; порывы вихря сильнѣе зашумѣли въ вѣтвяхъ древесныхъ; но Авреліо, упоенный воспоргомъ, окаменѣлъ къ ужасамъ Природы. Такъ дубравный пѣвецъ, прельщенный обманчивыми звуками охошничьей свирѣли, пренебрегаетъ опасности коварной сѣши.

„Кшо шамъ? “ спросили его пренецуцимъ голосомъ, — „за чѣмъ пришелъ шы ко мнѣ, блѣдный юноша? —

— „Ваша пѣсня, Донна“ —

Быширо схвашивъ Авреліо за руку, она посадила его на праву и сказала: „Ты блѣдень, оченъ блѣдень! Я люблю мершвыхъ: они спокойны, мирны, не знаютъ ни убійствъ, ни измѣны.“ — Авреліо обнялъ ее въ сильномъ движеніи. „Ахъ! опдай мнѣ сердце швое, милый юноша! На что шебъ чувствительное сердце среди живущихъ, исполненныхъ коварства и злобы? Скоро придетъ и брашь мой, нѣжный Франческо — и шогда будемъ ласкать и лелѣять шебя съ невинною радосшію. Повѣрь мнѣ, мершвые счастливые, спокрашь счастливые живущихъ!“ —

„Возьми, злополучная, возьми сердце, возьми жизнь мою!“ — воскликнула Аврелию въ испусленіи радости. „Пусть душа моя сольется съ швоею. О Лукреція! Я узнаю тебя; люби меня, какъ ты любила брата своего Франческо.“

— „Какъ! я говорила опять о братѣ Франческо?“ — спросила она жалобнымъ голосомъ: „Зачѣмъ вездѣ меня преслѣдуешь, мрачныя мысли? — Послушай, любезный Франческо,“ — ласково шепнула она Аврелию на ухо: „меня запирають; жестокіе не хотятъ, чибь я съ шбою, любезный братъ, подъ эшимъ деревомъ тайно бесѣдовала о минувшемъ счасіи; но сіи жестокіе меня не удержатъ.“

Она крѣпко прижала уха свои къ ланишамъ юноши. Невѣдомый пламень, лихорадочная дрожь прошекали по шѣлу Аврелию.

— „Уша швои холодны, Франческо“ — тихо говорила она; „но я не могу любить тебя, ибо много еще крови шечетъ въ швоихъ жилахъ, а кровь, не знаю почему, смертельно меня мучитъ. Тамъ, въ мирной долинь, цвѣтами испещренной, шамъ мы были очень счасливы. Почшо намъ должно было жить на свѣтѣ, копорый дышетъ убійствами и злобною мещью?“

Гроза ушла. Благоуханіе цвѣшовъ наполнило чистый воздухъ. Темноснее небо усьялось звѣздами. Сшрасные взоры Аврелию покоились на

лицѣ Лукреціи. Душа его соединилась съ душою злополучной дѣвы неразрывными узами.

Вдали мелькнули факелы.

„Вошь идушь мои мучители!“—вскричала Лукреція.

Она долго смопрѣла на Авреліо неподвижнымъ взоромъ; но внезапно содрогнулась, какъ будто объясая ужасомъ. — „Горе мнѣ! Съ кѣмъ я говорила шакъ нѣжно, шакъ ласково? Это Леонардо, кровожадный *Джерардини*! О, защити меня, Пандольфо, защити меня, ошъ свирѣпаго убійцы!“ —

И быстро вскочивъ, побѣжала на встрѣчу служителямъ, кои посланы были ошъискать бѣзумную, тайно ушедшую изъ зѣмка.

Авреліо медленными шагами побрель въ сѣнистую рощу.

Картина четвертая.

Спрахъ и смяшеніе объяли зѣмокъ дряхлаго Варѣоломея; встревоженный спарець во всѣ спороны посылаеть служителей за сыномъ, о скоромъ прибытіи коего узнаеть ошъ Себастіана.

Въ пространной Рыцарской залѣ стояеть Варѣоломей. Свѣчи догорѣли почти въ высокихъ серебряныхъ кандебрахъ. Умирающій свѣшь ихъ, изрѣдко упаяая на изображеніе Леонардо, робко пробѣгалъ по дикимъ чершамъ его. Варѣоломей прислонился къ открышому окну, устремивъ неподвижные взоры въ шемитющую даль. Всякой разъ, когда порывы вѣшра ошворяли и съ прескомъ захопывали вѣшхія

дубовыя двери, старецъ шоропливо оглядывался, думая, что наконецъ пришелъ Авреліо; но никого не видя, снова погружался въ смертное оцѣпентіе.

Онъ самъ охотно поѣхалъ бы на встрѣчу любезному сыну; но вспомнивъ, что отнимешь коня у бодрого служителя, остался одинъ въ опустѣвшихъ чертогахъ.

Вдругъ промчался по сѣнамъ угрюмаго замка сильный порывъ вѣтра и съ шумомъ потрясъ изображеніе Леонардово. — „Что ты тамъ шумишь?“ громко возкликнулъ Варѣоломей — и голосъ его грозно опозвался въ высокихъ сводахъ; но замѣшивъ, что суровый вопросъ сей обращенъ былъ къ бездушному портрету, онъ вздрогнулъ и скорыми шагами спалъ прохаживаясь по залу, чтобы разсѣять свое душевное безпокойство.

Спрахъ и надежда опнили у старца послѣднія силы: онъ бросился въ кресла. Свѣчи погасли. Глубокая тѣма воцарилась въ древнихъ чертогахъ; одно лишь мерцаніе звѣздъ, подобно прозрачному шуману, разливалось по изображенію Леонардову. Варѣоломей, смотря на него взоромъ унылымъ, наконецъ сказалъ: „Онъ навлекъ проклятіе на благочестивый домъ мой. Я и семейство мое, мы всѣ должны будемъ заплашить кровію за ужасное злодѣяніе. Развѣ я пекся объ немъ съ отеческою заботливостію единственно для того, чтобы онъ покрылъ мою дряхлую старость стыдомъ и горестію? Развѣ для того любилъ его болѣе самаго

себя, чтобы онъ сдѣлалъ меня предметомъ ужаса и ненависти? Никто не вѣршитъ злополучному спарцу: онъ не можетъ очистить себя отъ постыднаго подозрѣнія. Горе тебѣ, если мой Авреліо спраж- деть за твое злодѣйское предпріятіе; если уже постигла его неправедная месть! Тогда и въ гробѣ найдушь тебя мои проклятія, коварный убійца!“

Порывы усилились; съ шумомъ зашряслось изоб- раженіе Леонардово. — „Дай мнѣ опчешъ въ моемъ сынѣ!“ — вскричалъ Варѳоломей въ сильномъ движе- ніи: „онъ спраждетъ за тебя. Вѣщай, гнусный преслушникъ! гдѣ сынъ мой, гдѣ мой Авреліо?“ Въ изнеможеніи силъ отъ душевнаго безпокойства, дряхлый спарецъ снова упалъ въ огромныя кресла. Мерзвая пшшина воцарилась на пустынныхъ сводахъ.

Служители возвратились съ печальною вѣстью, что не могли отыскать Авреліо.

Варѳоломея, почти безъ чувствъ, заботливо оп- несли на постелю: ему нужно было успокоиться.

Картина пятая.

Кровавые лучи Восхода возвѣстили упрю. Пап- дольфо, угрюмый, задумчивый, сидѣлъ въ своихъ черпагахъ.

Предъ нимъ стояла служительница Лукреціи.

„Заклинаю васъ, благородный Рыцарь,“ говорила она, горько рыдая, — „не гнѣвайшесь на меня, бѣдную женщину: барышня ускользнула отъ меня украдкою. Богъ свидѣтель, я всегда употребляла всю возможную

предосторожность и сама не надивлюсь, как Лукреція, при такомъ разспройснвѣ чувствъ, могла хипросію обмануть меня, пятидесятилѣтнюю разсудительную женщину. Вчера ввечеру, пришедъ ко мнѣ съ видомъ печальнымъ, она сказала: „Поди поскорѣе въ свою комнашу, бабушка: швоя ппичка гошова вылетѣшь изъ распворенной клѣшки.“ — Признаюсь Вамъ откровенно, что я кромѣ Васъ и барышни и — (примолвила она всхлипывая) покойнаго Франческо, болѣе всего на свѣтѣ люблю мою канареечку. Не подозрѣвая ни малѣйшей хипрости, я дѣйствительно, подумала (шеперъ стыжусь моей легковѣрности) не случилось ли что съ моею ппичкою; пошла въ свою комнашу, но канареечка весело порхала въ клѣшкѣ. Возвращаясь въ комнашу, я уже не нашла въ ней барышни: она ушла въ заднюю дверь“ . . . .

„Молчи!“ — закричалъ Пандольфо грознымъ голосомъ, такъ что старушка отъ испуга поблѣднѣла и спала позади кресель.

Пандольфо вспаль. — „Что она дѣлала? Когда возвратилась? Какъ проводила ночь?“ —

— „Она непрерывно бредила и увѣряла меня, что будпо всю ночь играла и разговаривала съ брапомъ Франческо подъ кашшановымъ деревомъ; говорила объ убійцѣ Леонардо, что онъ хотѣлъ прельстить ее въ различныхъ обманчивыхъ видахъ. Такое сумасбродство не стоить никакого вниманія.“ —

Отворились двери: важно и гордо вошла Лукреція. Лѣвою рукою держала она гитару; правую извлекала изъ струнъ ея просяжныя, печальные звуки.

Подошедъ къ Пандольфо, она сказала: „Дядюшка! позволь Лукреціи опъяскивать потеряннаго Франческо! Прежде ты не столь былъ жестокосердъ, Пандольфо! — Прежде она могла по цѣлымъ часамъ бесѣдовать съ нимъ дружески, искренно. Ахъ! онъ вѣрно не сталъ бы сносить твоего жестокаго обращенія со мною. Мой Франческо сдѣлался еще перпльивѣе, еще искреннѣе. Ахъ! увѣряю тебя, онъ сдѣлался еще пригожѣе, еще добрѣе; правда, что онъ немного перемѣнился и потому превозмъ меня мучительное сомнѣнїе.“ Съ глубокою тоскою припала она къ груди престарѣлаго Пандольфо и смотрѣла на него умоляющимъ взоромъ. „Скажи мнѣ, любезный дядюшка, онъ ли дѣйствительно мой незабвенный Франческо? Скажи мнѣ, Пандольфо!“

— „Поди въ свою комнату, Лукреція; успокойся, несчастная,“ — говорилъ ей утѣшая распротанннй старецъ.

Внезапнымъ гнѣвомъ засверкали черныя глаза Лукреціи. — „И ты отказываешь мнѣ въ моей просьбѣ? Послушай, Пандольфо: каждую полночь я буду превозмъ спокойствїе швое мучительными снами: духи усопшихъ могучи. — И могу ли пережить моего любезнаго Франческо?“ продолжала она съ иѣжнымъ умиленїемъ. „Я должна умереть — и скоро!“

И персты ея, робко пробѣгая по струнамъ гитары, извлекли унылые звуки.

Картина шестая.

Вошелъ служитель. „Пандольфо!“ сказалъ онъ — „незнакомецъ дожидается въ залѣ; онъ хочешь говорить съ Вами.“

И по приказанію его, немедленно ввели блѣднаго юношу благородной осанки.

Спарецъ, окинувъ его пронизательными глазами, сказалъ: „Маршино, что ты думаешь объ этомъ юношѣ?“

„На крыльцѣ я пораженъ былъ симъ страннымъ явленіемъ,“ отвѣчалъ Маршино. „Черты его напоминають убійцу Леонардо.“

„И въ тоже время напоминають моего племянника Франческо,“ сказалъ Пандольфо.

Лукреція, обратясь къ знакомцу, посмотрѣла на него взоромъ изумленнымъ, неподвижнымъ.

„Кто ты? Чего ты хочешь?“ — спросилъ у него спарецъ.

И глаза незнакомца наполнились слезами; онъ упалъ на колѣна передъ спарцемъ. „Если хочешь спасти меня отъ гибели, Пандольфо; то позволи мнѣ жить въ своемъ зѣмкѣ. Прими меня въ служители. Въ другомъ мѣстѣ я погибну въ безущьшой горести: только подъ кровлею моего зѣмка найду спокойствіе и счастье. Ипакъ скажись надо мною! Какъ дерево роснешь лишь въ нѣдрахъ земли и

будучи вырвано, сохнешь; такъ и я могу существовать единственно въ стѣнахъ сего замка.“

„Какъ тебя зовутъ, молодой человекъ?“ — спросилъ изумленный Пандольфо.

„У меня нѣтъ имени“ — возразилъ юноша: „для меня все погибло; такъ начто мнѣ щещное имя?“

Съ умоляющимъ взоромъ подошелъ онъ къ Лукреціи: „Дайте мнѣ имя, Донна! съ новымъ счастливымъ именемъ прииму изъ устъ Вашихъ новое бытіе.“

Крошкая улыбка блеснула на устахъ Лук еціи. Обращаясь къ Пандольфо, она сказала: „Мой возлюбленный братъ возвратился; хопя и замѣны на его лицѣ ненавистныя черты коварнаго Джераудини, но онъ всегда останется другомъ моего сердца. Не правда ли, любезный дядюшка?“

Несчастливая оглянулась и бросила на юношу сомнительный взглядъ „Франческо? — Это не братъ Франческо! Ахъ, какъ плашительны нѣжныя черты незнакомца! Терзаюсь, но люблю его.“

Раздались унылыя звуки гитары и Лукреція медленно вышла изъ комнаты.

„Я буду звать тебя Франческо,“ сказалъ Пандольфо: „крошкій взоръ швой будешь напоминать мнѣ о несчастномъ родственникѣ.“

„Франческо!“ — возкликнулъ радостный юноша: „такъ прелестная называла меня въ ту незабвенную ночь.“ — „Вы берете къ себѣ безумнаго, Пандольфо?“ — заботливо шепнулъ ему Мартино.

„Чтожь дѣлать? Безуміе сдѣлалось удѣломъ нашей фамиліи,“ возразилъ угрюмый спарець: „сила шайн-свенная влечетъ меня къ сему юношѣ. Поручаю его швоему попеченію.“

Сказавъ сіе онъ вышелъ.

Погруженный въ глубокія думы, незнакомецъ послѣдовалъ за Маршино.

Картина седьмая.

Нѣсколько дней молодой пришелець жилъ въ уединенномъ замкѣ Пандольфовомъ. Всякой разъ, когда встрѣчался онъ съ Лукреціею, лице его вспыхивало, какъ пламя.

Однажды сидѣлъ онъ въ нижнемъ покоѣ замка, вмѣстѣ съ Маршино и старымъ служилемъ Франческовымъ.

„Кшо бы могъ подумашь,“ сказалъ спарикъ, „что послѣ спранныго швоего прощанія въ шомъ вечеръ, шы будешъ жить вмѣстѣ съ нами въ домѣ Пандольфовомъ?“

„Многое перемѣнилось!“ — со вздохомъ сказалъ юноша.

„Правда! правда!“ — продолжалъ словоохотный спарикъ: „свѣшъ подверженъ непрерывнымъ перемѣнамъ. Никто не можешъ положишься на свои намѣренія, на свои надежды, на свое счастье; никшо! Теперь увѣрился въ шомъ и престарѣлый Варѣоломей *Джерардини*: казнь небесная неумолима — ошъ нее не уйдешъ! Говоряшъ, что онъ въ опчаяніи, не получая никакого извѣстія о единственномъ своемъ

сынъ. Теперь онъ вѣрно чувствуешь, какъ тяжело, какъ мучительно потерять драгоценный предметъ родишельской нѣжности. Каждый вечеръ, говоряшь, шайно уходишь онъ изъ замка и бродишь по дорогѣ, по которой долженъ прѣхать сюда его сынъ Авреліо; усремляешь неподвижные, печальные взоры въ шемнѣющую даль и въ безутѣшной горести возвращаешься домой ночью. Это дошло до *Иуфангатовъ*: сегодня ночью они подстергуть его — и ты будешь свидѣтелемъ праведной и страшной мести.

„Сегодня?“ — спросилъ юноша дрожащимъ голосомъ. „О, благодарю Тебя, Боже милосердый! Ты спасъ меня изъ бездны гибели. Повинуюсь слѣпому, но всеильному влеченію сердца. Благодарю Тебя, Боже Всемогущій! Твоя премудрая десница ошановила новое злодѣяніе.“

Сказалъ — и опрометью побѣжалъ изъ замка.

Картина осьмая.

Въ вѣшнихъ креслахъ дремалъ Варѣоломей, покрытый сѣдинами. Тихо подкрался къ нему прекрасный юноша, изнуренный поскою и раземшировалъ съ сердечнымъ умиленіемъ угрюмые слѣды, на челѣ старца глубоко врѣзанные долговременною печалью.

„Нѣтъ! нѣтъ! ты не убійца!“ — говорилъ онъ, проливая горькія слезы; какъ могъ я, хотя на минушу, имѣть мысль столь преступную? Тебя, невиннаго, они хошяшь погубить. Еслибъ я увидѣлъ лице швое, смершную блѣдностью и кровью искаженное; еслибъ принужденъ былъ сказать себѣ: ты виновникъ его

смерти; ты покинул бѣднаго старца; родительская нѣжность къ тебѣ предала его въ руки жестокихъ враговъ. — О! лучше не родись на свѣтъ, чѣмъ навлечь на себя такое тяжкое преступленіе!“

Онъ прижалъ уста свои къ рукѣ спящаго старца. Вареоломей воспрянулъ отъ сладостной дремоты. Ему снилось, что будто вокругъ него разливался плѣнительный розовый свѣтъ, который очаровалъ чувства его живительною прохладою и обратилъ всѣ заботы и горести въ неизъяснимую радость. И на зыбяхъ эфирнаго облака сподѣлъ убіенный Франческо, прекрасный, величественный. Обѣ руку шествовала съ нимъ прелестная дѣва: въ свѣплыхъ очахъ ея сіяла невинная радость; черные локоны роскошно падали на грудь бѣлоснѣжную; на рукѣ покоилась арфа, которая сама собою издавала тихіе звуки. Вареоломей узналъ въ ней племянницу Пандольфову, несчастную Лукрецію. Подлѣ прелестной стоялъ величавый юноша: на цвѣшущемъ лицѣ его улыбалось веселіе и золотыя кудри волновались отъ дуновенія вѣтра. И Франческо, сложивъ ихъ руки, повелъ младую чешу къ престарѣлому Вареоломею. Они упали предъ нимъ на колѣна, прося его родительскаго благословенія. Франческо смотрѣлъ на нихъ очами умиленія, а подлѣ Франческо стоялъ Леонардо: въ горестномъ взорѣ его выражались перзанія совѣсти.

Старецъ проснулся. Юноша, который являлся ему въ сновидѣніи, стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ; но

цвѣтущее лице увяло ошъ мучительной горести; золотыя кудри въ безпорядкѣ остѣняли мрачное чело; въ томныхъ очахъ потухъ пламень жизни.

„Берегись, Вареоломей!“ — вѣщаль онъ: „не ходи по вечерамъ искашь швого недостойнаго сына. Мщеніе спережешъ тебя на дорогѣ. Повѣрь мнѣ: я несчастный сынъ швой, я Авреліо.“

Пошоки слезъ заглушили рѣчь его; онъ упалъ на грудь изнуреннаго старца. Сердце родительское забилось сладостнымъ трепещомъ. „Авреліо, сынъ мой! Гдѣ ты былъ такъ долго, любезный сынъ мой?“

„Башюшка! я не виненъ. Сынъ швой не властенъ надъ собою. Другое существо владычествуетъ въ сердцѣ его: онъ покорился ему на вѣки.“

Авреліо приподнялся „Родитель!“ сказалъ онъ — „Ты хочешь знашь, гдѣ я шакъ долго медлил? — Въ замкъ Пандольфовомъ — и въ замокъ Пандольфовъ долженъ возвратишься. — Башюшка! сынъ швой любишь безумную Лукрецію.“

„Боже мстящій!“ — возкликнулъ старецъ — „сынъ мой! ты любишь безумную Лукрецію!“ — „Ты удивляешься, башюшка? Ахъ! лишь безумный счастливъ на сей печальной землѣ. Его обворожаютъ дивныя видѣнія, имъ самимъ шворимыя и коварный свѣтъ не властенъ разрушитъ волшебную игру фантазіи. Онъ на вѣки разстался съ жалкимъ міромъ существенности. О, какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ также лишился разсудка! Родитель! Хочу по-

черпнуть безуміе изъ прелесныхъ устъ несчастной Лукреціи.“

— „Оспанься, сынъ мой, оспанься со мною; не ходи въ замокъ Пандольфовъ,“ умоляль его спарець.

— „Требуй ошь скалы, кошорая, ошорвавшись ошь роднаго ушеса, низвергаешя въ бездну, чшобъ она оспановилась въ спремшельномъ паденіи; но не требуй ошь меня, чшобъ я покинулъ замокъ Пандольфовъ.“

— „Увы! Авреліо, шы погібъ невозвратно!“ съ воплемъ вскричалъ ошець его. „Я умру не въ объятіяхъ сына! Кшо закроешь мои вѣжды?“

„Надѣйся на Всевышняго, родитель! Онъ ведешъ насъ къ лучшему непоспижимою спезею.“ — сказалъ ему въ ушѣшеніе расстроганный Авреліо. „Надѣйся; мы всѣ будемъ счасптивы. И спраданія имѣють свою мѣру. На мрачныхъ шучахъ сіяешъ радуга и враждебные цвѣшы ея сливающя въ одно очаровательное сіяніе.“

Авреліо упаль къ спощамъ дрожащаго спарца. Блѣдныя щеки юноши вспыхнули минушнымъ румянцемъ. Нѣжный ошець заключилъ его въ объятія. „Радугу я видѣль, Авреліо!“ — вздохнулъ онъ: „примиреніе явилось мнѣ въ сновидѣніи.“

Безмолвный, шерзаемый мрачнымъ предчувспвіемъ, Авреліо долго лежалъ на груди сѣдовласаго спарца.

— „Просши, родитель!“ — вскричалъ онъ наконецъ. „Мы скоро увидимся — можешь бышь не здѣсь. Просши, родитель!“

И быстро вырвавшись изъ опцовскихъ объятий, онъ исчезъ. — —

Картина десятая.

Настала полночь Въ обширной залѣ Пандольфовой тускло горѣли свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ.

Блѣдная, задумчивая Лукреція сидѣла въ огромныхъ креслахъ. На крошкѣ лицъ ея царствовало спокойное величіе.

— „И ты точно увѣренъ“ — спросилъ Пандольфо стараго Мартино — что это былъ онъ, который исчезъ въ замкѣ *Джерардини*? “ —

„Я шелъ по слѣдамъ его, кланусь жизнию!“ — возразилъ служитель.

— „Измѣнникъ!“ — вскричалъ Пандольфо съ гнѣвомъ: „такъ онъ предостерегъ старца отъ опасности. Отъ того то не удался нашъ заговоръ: отъ того-то Варѣоломей сегодня остался дома. Но ты не воспоржествуйешь, коварный юноша! Введи его сюда!“ —

Авреліо вошелъ. — „Ты измѣнилъ намъ!“ — загремѣлъ Пандольфо: „не оправдывайся, это ясные дня!“ —

„Никогда еще ложь не оскверняла устъ моихъ,“ — твердо и спокойно отвѣчалъ Авреліо. „Могъ ли я посрамить любовь мою гнуснымъ коварствомъ? Пандольфо! я виноватъ предъ тобою, но долгъ сыновній велѣлъ мнѣ опровергнуть убійственный ударъ отъ главы виновника моей жизни. Я люблю

до безумія безумную Лукрецію; и пошому, Пандольфо, пришелъ я въ швой замокъ. Теперь суди меня!“ —

— „Эшо Авреліо! эшо *Джерардини*! Какая безстыдная дерзость!“ — слышался громкій ропоть между служилеями.

— „*Джерардини*!“ — вскричалъ яростный Пандольфо. — „Ты сынъ Вареоломесвь! Даже безумная Лукреція подвержена вашимъ злодѣйскимъ проускамъ. *Джерардини* — въ моемъ домъ! — Радуйся, Франческо! Наступила минуша мщенія! Кровію своею, извергъ, успокоишь ты невинную тѣнь Франческову!“ — И въ рукъ его засверкала кинжалъ смертоносный. Глубоко воцлился онъ въ сердце юности.

Лукреція всшала. „Мщеніе совершилось!“ — спокойно сказала она и подошла къ Авреліо, облишому кровью.

Она поверглась предъ нимъ на колѣна, прилипла хладными устами къ помершвлымъ щекамъ несчастнаго молодого человека — и тихо преставилась.

И взоръ умирающаго въ послѣдній разъ заблесталъ огнемъ живѣйшей радости. Онъ обнялъ дѣву и крѣпко прижалъ се къ пронзенному сердцу. Кругомъ царствовало глубокое молчаніе.

Пандольфо подошелъ къ любовникамъ, мрачно взглянулъ на нихъ и сказалъ: „Мщеніе совершилось: миръ вашему праху!“

Съ Нльм. В. Тило.

*Нѣчто объ оружіи, бывшемъ въ употребленіи
въ XIV, XV и XVI вѣкѣ.*

Вооруженіе желѣзное, съ головы до ногъ, вошло во всеобщее употребленіе во Франціи, а вѣроятно также въ другихъ странахъ Европы, не прежде, какъ въ началѣ XIV столѣтія, при Филиппѣ *Валуа*. Тяжелая конница имѣла до того времени двойную кольчугу съ рукавами, съ кошорою соединены были шакаго же рода лашы, для прикрытія ногъ и коленъ. Подъ сею кольчугою носили шелковый или кожаный кафшанъ, подбитый шерстью. Присемъ воины имѣли въ виду ослабить дѣйствіе копейнаго удара, кошорый хошя и не могъ пробить сквозь двойную кольчугу, но сильнымъ спремленіемъ вбивая оную въ шѣло, могъ нанести смертельную рану. Подъ кафшаномъ носили иногда на груди толстый жестяной листъ. Въ послѣдствіи времени такъ плотно соединили кольчугу съ лашными на ножниками, что всадникъ былъ совершенно безопасенъ. Писатели времени Филиппа Августа имянно приводятъ сіе вооруженіе, какъ изобрѣтеніе ихъ времени. Подъ Графомъ Булонскимъ, Рено *де Даматиномъ*, кошорый въ битвѣ Бувинской (1214) сражался за Императора Оттона, была убиша лошадь, а самъ онъ взяшь въ плѣнь. Сильный ратникъ, по имени *Комлодъ*, сшибъ съ него шлемъ и ранилъ его въ лице; пошомъ ударилъ его кинжаломъ въ бокъ; но кольчуга Графа была

шакъ плотно связана съ нижнею частію вооруженія, что ударъ не могъ причинить ему никакого вреда.

О томъ же Графъ рассказываетъ, что онъ, при необыкновенно большомъ ростѣ, въ помянутомъ сраженіи имѣлъ еще на шлемѣ два огромныхъ рога изъ кишовой кости.

Cornua Comes agit superasque eduxit in auras
E costis assumpta nigris, quos faucis in antro
Branchia, balenae Britici colit incola ponti,
Ut qui magnus erat magnae super addita moli
Majorem faceret phantastica pompa videri.

Guillelmus Brito, in Philippide.

Сей способъ вооруженія, какъ сказано выше, былъ употребляемъ до XIV столѣтія, когда появилось другое, составленное все изъ желѣзныхъ листовъ. Оно удержалось, по крайней мѣрѣ у тяжелой конницы, до половины XVII вѣка, хотя копья давно уже вышли изъ употребленія.

Крѣпость и тяжесть сихъ латъ, въ разныя времена, были различны. Одинъ Французскій Авторъ времени Карла IX и Генриха II пишетъ, что латы Жандармовъ при Генрихѣ II были гораздо легче; что прежде носили чрезвычайно толстые и тяжелыя, шакъ что молодой воинъ, казалось, имѣлъ на себѣ не броню, а наковальню. — „Наши Жандармы и легкіе всадники при Королѣ Генрихѣ II,“ продолжаетъ онъ, „были вооружены несравненно красивѣе и тяжесть латъ не мѣшала имъ носить ихъ сунуки сряду; но ше-

перь воинская одежда столь тяжеловѣсна, что не только молодые люди, но и возмужалые подвергають здоровье свое очевидной опасности.“

Необыкновенная тяжесть древнихъ латъ и невозможность, совершать въ нихъ быстрыя и продолжительныя движенія, имѣли слѣдствіемъ то, что многіе военачальники, увѣренные въ своей тѣлесной силѣ и проворствѣ, окружались толпою пѣхоты, вооруженной копьями. Она становилась въ видѣ круга или чешыреугольника, а впереди оставляла опверстіе, изъ котораго покрытый латами Рыцарь врывался въ толпу непріятелей. Будучи упомянутъ бичвою, онъ возвращался въ кругъ, какъ въ крѣпость, чтобы собрать новыя силы, къ чему принуждала его подавляющая тяжесть оружія, въ особенности шлема, который онъ всегда снималъ, находясь въ безопасности. Примѣромъ тому служилъ вышеупомянутый Графъ Булонскій въ сраженіи при Бувишѣ. О другомъ подобномъ случаѣ упоминается въ описаніи сраженія въ Италіи, при Карлѣ VIII.

Я привожу сіе въ особенности для того, чтобы сдѣлать полезное замѣчаніе нашимъ Романтическимъ Писателямъ, которые безъ дальнихъ околичностей заставляють своихъ Рыцарей нѣсколько дней и недѣль сряду ходить, ѣсть, пить, сражаться и даже спать въ полномъ желѣзномъ вооруженіи, какъ будто бы они были одѣты въ льшнее панковое платье.

До Карла VII пѣхота во Франціи была въ крайнемъ пренебреженіи; ибо она соснояла, какъ говоришь *Брантомъ*, изъ негодяевъ, бродягъ, разбойниковъ, однимъ словомъ, изъ сволочи, худо вооруженной и безъ всякаго понятія о военной подчиненности. Сіе неудобство отчасти вознаграждено дружинами Спрѣлковъ, по большой части Генуэзскихъ, съ луками. Карль VII старался усовершенствовать пѣхоту. Онъ учредилъ извѣстныхъ Вольныхъ спрѣлковъ (*Franc-Archers*), каждый приходъ долженъ былъ поставлять одного здороваго и сильнаго воина, хорошо одѣянаго, вооруженнаго и гошоваго во всякое время выступить въ походъ. Въ опредѣленіи плашья и оружія упоминается о воинской одеждѣ, подъ именемъ *Лацие*, изъ оленьей кожи и подбитой *тридцать разъ* полошномъ; причемъ сказано, что человекъ въ такомъ воинскомъ плашѣ рѣдко бываетъ смертельно раненъ. Впрочемъ сіи полошневныя лапы не новое изобрѣтеніе: въ древнія времена были онѣ въ употребленіи у многихъ народовъ. Ксенофонъ о нихъ упоминаетъ.

Не смотря на то, что сія Милліція приносила большую пользу Карлу VII, преемникъ его, Людовикъ XI, уничтожилъ ее и нанялъ Швейцарскую пѣхоту. Карль VIII присокупилъ къ ней еще Нѣмецкое войско, вооруженное копьями, (*Lanzknechte, Lansquenets*); а Французская пѣхота, кажется, въ сіе время опять пришла въ совершенный упадокъ, что

подтверждаетъ и *Брантомъ*. Людовикъ XII, съ помощію *Балрда*, обучилъ Французскую пѣхоту правильнымъ движеніямъ и заставилъ непріятелей уважать ее.

Во время Франциска I, кромѣ регулярной пѣхоты или полковъ, находились еще на службѣ солдаты, извѣстные подъ именемъ *Avanturiers* (вѣроятно отъ Италіянскаго слова *avventurieri*); они составляли, кажется, родъ волонтировъ. *Брантомъ* пишетъ о нихъ слѣдующее: „Они носили съ длинными и широкими рукавами рубашки, служившія имъ вмѣсто одежды, два или три мѣсяца сряду безъ перемѣны; грудь была открыта, какъ у Цыганъ или Араповъ. Даже тѣ, копорые одѣвались поисправитѣ, должны были имѣть одну голую ногу и носить чулокъ на поясѣ.“

Въ послѣдствіи времени Францискъ I принужденъ былъ взять спорогія мѣры противъ сихъ волонтировъ, копорые и въ мирное время спекались многочисленными толпами, брали приступомъ города и вездѣ производили грабежъ и насиліе.

Въ Царствованіе Филиппа Августа во Франціи, стрѣлы и луки вышли изъ употребленія. На вшоромъ Лотранскомъ Конгрессѣ (1139) запрещено даже Христіанамъ употребленіе лука въ войнахъ между собою. Ричардъ *Львиное сердце* первый ввелъ опять сіе оружіе въ своемъ войскѣ; но смерть сего Короля, убишаго стрѣлою изъ лука, почитася была за ищеніе небесное.

Во Франціи употребленіе снрѣльъ продолжалось полько до кончины Франциска I, у другихъ же народовъ гораздо долѣе.

При осадѣ Турина, въ 1536-мъ году, находился въ городѣ одинъ полько снрѣлокъ, вооруженный лукомъ, который въ пяши или шести спычкахъ ранилъ и убилъ болѣе непріятелей, нежели во время всей осады искуснѣйшіе воины огнеснрѣльнымъ оружіемъ.

Въ запискахъ о Франціи, 1338-го года, въ первый разъ упоминаешся о пушкахъ.

Веллани, Ипаліянскій Авпоръ, пишешъ, что Англичане въ сраженіи при Кресси, въ 1346-мъ году, употребляли пушки.

Фроассаръ, первый изъ Французскихъ Писателей, упоминаешъ о нихъ въ 1340-мъ году.

(P. Daniel, Histoire de la Milice française.)

Съ Нльм. В. Тило.

Вальтеръ Скоттъ.

Вальтеръ Скоттъ родился 15-го Августа 1771-го года. Онъ старшій изъ чешырехъ сыновей извѣстнаго Правовѣдца Эдинбургскаго. Мать его, одаренная талантомъ къ Поэзці, жила въ пріязни съ Ромзе и другими Учеными, которые послѣ смерти ея издали небольшое собраніе Стихотвореній Лади Скоттъ. Слабость въ ногахъ и нѣжное шѣлосложеніе юнаго Вальтера были причиною, что онъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ своей превосходной матери, воспитывался въ родительскомъ домѣ, гдѣ рано обнаружилась въ немъ рѣшительная склонность къ ландшафтной Живописи. Въ Эдинбургскомъ училищѣ не отличался онъ блистательными дарованіями; но *Влеръ* предсказалъ будущую славу молодого челоувѣка, когда однажды жаловались на его шупоуміе.

Окончивъ курсъ въ Университетѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Психолога *Стеварта*, вступилъ онъ, на дваццатомъ году своего возраста, Адвокатомъ въ Земскій Судъ (Court of sessions); съ благороднымъ рвеніемъ посвящилъ себя дѣламъ службы; а въ 1798-мъ году женился на дѣвицѣ *Карпентеръ*, ошъ кошорой имѣлъ чешырехъ дѣшей. Въ 1799-мъ году онъ сдѣлался Подшерифомъ Графства Селькиркскаго, а въ 1806-мъ главнымъ Секретаремъ или Протоколистомъ. Освободившись ошъ шягоспныхъ дѣлъ Адвокатскаго званія и будучи обезпеченъ значительными доходами, спалъ онъ прилѣжно бесѣдо-

вашъ съ Музами. Съ сего времени живешь онъ по большой части близъ Эдинбурга, въ помѣсть своемъ Абботсфордъ. Замокъ его есть древнее, неправильно выстроенное изъ сѣраго гранита зданіе, съ одною огромною башнею и другими маленькими, съ высокими шпубами, свѣшлицами и окнами, безъ соразмѣрности и соотвѣстственности въ величинѣ и разстояніи. Въ *Писмахъ Павла*, *Скоттъ* выхваляетъ сію Архитектуру и отдаетъ ей преимущество передъ нынѣшнею.

Вальсеръ *Скоттъ* имѣетъ 52 года отъ роду. Лице его, при первомъ взглядѣ, не соотвѣстствуетъ тому, что мы невольно представляемъ себѣ о знамениомъ мужѣ, особенно Поэтѣ: оно имѣетъ національную печать Шотландцевъ. У него плоскій носъ, маленькій подбородокъ, большія блѣдныя щеки, темные волосы и русыя брови. Онъ часто улыбается, или отъ природной веселости, или отъ того, что пронзительный умъ его чрезвычайно скоро замѣчаетъ все смѣшное. Если рѣчь идетъ о Поэзіи; по сѣрые глаза его сверкають и пріятная улыбка выражаетъ душевное удовольствіе. Голосъ его звученъ, гибокъ и силенъ. Сіе обнаруживается во всемъ блескѣ, когда знамениый Авшоръ, въ дружескомъ обществѣ, запоетъ національную пѣсню; а это перѣдко случается. Изъ любви къ роднымъ обычаямъ и правамъ, содержишь онъ Музыканша, играющаго на волынкѣ и нарядно по Шотландски одѣшаго: онъ обязанъ въ семейные праздники

пѣшь и наигрывать старинныя народныя пѣсни. Въ разговорѣ Вальшеръ *Скоттъ* свободенъ и привлекателенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ искренность вѣрнаго друга, славу отличнаго Поэта, любезность свѣтскаго человѣка и основательность Ученаго. Въ сельскомъ Хозяйствѣ онъ также имѣетъ обширныя свѣденія и много способствовалъ къ улучшенію своего наследственнаго помѣстья. Онъ часто разъѣзжаетъ верхомъ по своимъ заведеніямъ (ибо слабость ногъ не позволяла ему ходить) и радуется цвѣшущему ихъ состоянію. Дома наслаждается сокровищами своей библіотеки, одной изъ богатѣйшихъ въ Европѣ Пишеческими произведеніями, содержащей въ себѣ самое полное и рѣдкое собраніе Нѣмецкихъ народныхъ пѣсень, Балладъ и Сказокъ. Глубокое уваженіе соотечественниковъ Вальшера *Скотта* къ его отличнымъ дарованіямъ обнаружилось въ 1820-мъ году, при избраніи его въ Президентныя Королевскаго Общества Наукъ въ Единбургѣ. Въ томъ же году Англійскій Король возвелъ его въ Баронеты и когда, два года спустя, Государь сей посѣтилъ Шотландію; то Вальшеръ *Скоттъ* имѣлъ честь, отъ имени Шотландскихъ Дамъ, поднести Его Величеству серебряный Крестъ. Сочиненія его составляютъ теперь 63 тома.

Съ Нльм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Бейронъ.

(А. С. Пушкину.)

But I have lived and have not lived in vain.

Среди Альбіона шуманныхъ холмовъ,
 Въ долинь, пиши обреченной,
 Въ наслѣдстввенномъ замкѣ, подь шѣнью дубовъ,
 Пѣвецъ возраспалъ вдохновенной.
 И Царская кровь въ вдохновенномъ шекла, (*)
 И золоша много судьбина дала;
 Но юноша гордый, прелеспный
 Высокаго сана свѣшлѣ душой;
 Казну его знающъ вдова съ вирошой
 И звонъ его арфы чудесный.

*

И въ бурныхъ порывахъ всѣхъ чувствъ молодыхъ
 Всегда вольнолюббе дышало,
 И оспрое пламя спрасшей роковыхъ
 Въ душъ горделивой пылало.
 Вспревоженъ духъ юный, безъ горя печаль
 За призракомъ шайнымъ влечешъ его вдаль —
 И волны подь нимъ зашумѣли!
 Онъ арфу хвашаешъ дрожащей рукой,
 Онъ жмешъ ее къ сердцу съ угрюмой шоской:
 Таинственнено спруны звенѣли.

*

(*) Лордъ Бейронъ происходипъ отъ Царей. Шотландскій Король
 Іаковъ II былъ предокъ его по матери.

Скишался онъ долго въ Воспючныхъ краяхъ
И чудную славилъ Природу;
Подъ радостнымъ небомъ, въ душисныхъ лѣсахъ
Онъ пѣлъ угнѣвленнымъ свободу.
Сспраданій любви испущенный Пѣвецъ,
Онъ высказалъ сердцу всѣ шайны сердцецъ,
Всѣ буйныхъ спрасшей упоенья:
То радугой блещень, шо въ мракъ ночью
Сзываетъ онъ пѣни волшебнымъ жезломъ
И грозно-прелесны видѣнья.

*

И время задумчиво въ пѣсняхъ шекло,
И дивныя пѣсни вѣнчали
Лучами безсмершья младое чело;
Но мрака съ лица не согнали.
Уныло онъ смотришь на свѣшь и людей,
Онъ бурно жизнь опжилъ весною своею;
Надеждамъ онъ вѣришь спрашишся.
Думъ пляжкихъ, глубокихъ въ немъ видны чершы;
Кипучая бездна огня и мечшы,
Душа его съ горемъ дружишся.

*

Но розы нѣжиѣ, свѣжѣ лилей
Мальвины красы молодья;
Плѣнишельны взоры сафирныхъ очей
И кудри ея золошья.
Пѣвецъ изумленный къ ней сердцемъ лешишь;
Любови непорочной звѣзда имъ горишь;

Увядшей расцвѣлъ онъ душою;
Но злоба шипѣла, дышала бѣдой
И мгла, какъ ужасный покровъ гробовой,
Просшерлась надъ юной чешою.

*

Такъ свѣшля воды красуясь пекушь
И ясношь небесъ отражающъ;
Но встрѣшя каменя, мушяща, ревущъ
И шумно свой шокъ раздѣляющъ.
Пѣвецъ раздражился; но мстишь не хошѣлъ,
На рокъ непреклонный съ презрѣньемъ смошрѣлъ,
Но въ горести дикой, надменной
И въ бѣшенствѣ спрасши, въ безумьѣ любви,
Мученьемъ, опрадой ему на земли —
Лишь образъ ея незабвенной!

*

И снова онъ мчится по грознымъ волнамъ;
Онъ бросилъ магнитъ пушеводный,
Съ убишой душой по лѣсамъ, по горамъ
Скишаясь, какъ спранникъ безродный.
Онъ смошришь, онъ внемлешь, какъ вихри свиспашъ,
Какъ молніи вьюшся, какъ громы гремашъ
И съ гуломъ въ горахъ умирающъ.
О вихри! о громы! скажите вы мнѣ:
Въ какой же высокой, безвѣстной странѣ
Душевные бури сшихающъ?

*

Съ полночной луною бесѣдуешь онъ,
Минувшее горестно будишь;

Желаньемъ взволнованъ, шоской угнѣшенъ,
Клянеть и прощаеть и любить,
„Безумцы искали меня погубить,
Всѣ мысли, всѣ чувства мои очернить;
Надежду, любовь оправили
И шу, кто была мнѣ небесной мечшой,
И радостью сердца, и жизни душой —
Неправдой со мной разлучили.“

*

„И дочь не играла на сердцѣ родномъ!
И очи ее лишь узрѣли....
О, спи за морями, спи Ангельскимъ сномъ
Въ далекой швоей колыбели!
Сердильныя волны межъ нами ревушь;
Но спонъ и молишвы отца донесушь....
Свершился!.... Изъ ранней могилы
Мой пепель подниметь свой гласъ неземной —
И съ вѣчной любовью надъ ней, надъ шбой,
Промчился мой призракъ унылый!“ — —

*

Сшрадалецъ! Ушѣшься: бышь можеть, въ шу ночь,
Какъ грозная буря шумѣла,
Надъ шой колыбелью, гдѣ спишь швоя дочь,
Мальвина въ раздумъ сидѣла;
Бышь можеть, лампы при блѣдныхъ лучахъ,
Знакомаго образа въ милыхъ чертахъ
Искала съ шоскою мяшежной....
И сходство замѣша любимое въ ней,

Мальвина, вздыхая, младенца нѣжнѣй
Прижала къ груди бѣлоснѣжной!

*

Но брань за свободу, за Вѣру, за честь,
Въ Эладѣ его пламенѣшь :
И слава воскресла, и вспыхнула мечь ;
Кровавое зарево рдѣешь.
Онъ первый на звуки свободныхъ мечей,
Съ казною и рапью и арфой своей,
Лешипъ довершашъ избавленье.
Онъ шамь, онъ поддержишь въ борьбѣ роковой
Великое дѣло великой душой :
Святое Элады спасенье.

*

И мечъ обнажился, и арфа звучишь,
Пророчица дивной свободы,
И пламень священный ярче горишь,
Дружиѣ разяшь Воеводы.
О край пѣснопѣнья и доблесныхъ дѣлъ,
Мужей несравненныхъ завѣшный предѣлъ,
Элада! Онъ въ часъ швой кровавый,
Сливая свой жребій съ швоею судьбой,
Сіяющій Геній горишь надъ шбой —
Звѣздой возрожденья и славы.

*

Онъ шамь!... Онъ спасаетъ!... И смерть надъ
Пѣвцомъ!
И въ блескъ увянешъ цвѣтъ юный!

И дѣль онъ прекрасныхъ не будешь шворцомъ;
И смолкли чудесныя струны!
И плачь на Воспокъ . . . . И вѣсть пронеслась,
Что даже въ послѣдній таинственный часъ
Спрадальцу бывое мечталось,
Что будто онъ видитъ родную струну;
И сердце искало и дочь и жену,
И въ небѣ съ земнымъ не разсталось!

И. Козловъ.

Горестъ матерѣ.

О чемъ, скажи, такъ плачешь ты?
О чемъ швоя шоска?
Давно ли счастья свѣшлый лучъ
Блещалъ въ твоихъ очахъ? —
„Вчера сырой землѣ я прахъ
Малюшки предала:
И имъ жила; онъ въ жизни мнѣ
Одной ушѣхой былъ.“ —
И рокъ тебя ее лишилъ! —
Несчастливая мать! —
Но долго ль жизни молодой
Онъ счастье вкушалъ? —
„Едва разцвѣлъ онъ, какъ упалъ
Подъ смертною косою;
Едва блеснувшій жизни лучъ
Въ очахъ его погасъ.“ —

Младенецъ швой оставилъ насъ

Для родины своей:

Онъ къ чистымъ Ангеламъ душой

Невинной улетѣлъ. —

„Онъ на землѣ ихъ ликъ имѣлъ;

Онъ имъ подобенъ былъ

Невинной сердца просвѣпой

И прелестью лица.“ —

Но волѣ мы свяшой Творца

Покорствовашъ должны.

Не все-жъ грустимъ и шосковашъ:

Ошрада въ небесахъ! —

„Одна ошрада мнѣ въ слезахъ.

Не плачь — сказаешь легко;

Я мамъ была — и у меня.

Теперь ужъ сына нѣшь!“ —

Ты молода, ты въ цвѣтѣ лѣшь,

Ты снова будешь мамъ;

Пошерю шяжкую свою

Ты возвратишь впередъ. —

„Когда-жъ могила опдаешь,

Чшо разъ себя взяла? —

Пушь льюшся слезы! — Грбовой

Доски имъ не пробимъ!“ —

Но жизни цвѣшь уже ль губишь

Безплодною шоской? —

Уже ль для радостей земныхъ

Прошли года швой? —

„Всѣ скрылись радости мои

При мнѣ въ землѣ сырой;
Одна лишь радость — плакать — мнѣ,
Покуда слезы есть!“ —

А. Г. — 86.

Близость милой.

(Подражаніе Нѣмецкому.)

Я мышлю о тебѣ, когда денницы свѣшь
На озерѣ играешь;
Я мышлю о тебѣ, когда луна взойдешъ
И волны осребряешь.

*

Я зрю тебя, когда густая пыль сполномъ
Дорогою несешся;
Я зрю тебя во тьмѣ, когда въ лѣсу густомъ
Прохожихъ сердце бьется.

*

Я слышу голосъ твой, когда вдали шумишь
Источникъ говорливый;
Въ безмолвіи ночью, когда Природа спишь,
Я слышу голосъ милый.

*

Я вмѣстѣ всегда — и гдѣ бѣ ты ни была,
Душа моя съ тобою;
День свѣтлый о тебѣ и тихой ночи мгла
Бесѣдують со мною.

Мещевскій.

Незнакомка.

Романсъ.

На голось: *Я не скажу тебѣ: люблю;*
Всеобщей Модѣ подражал.

Я не скажу вамъ, кто она,
Чтобъ шо вы сами ошгадали:
Любезнѣй многихъ здѣсь она;
Ее любезнѣй не видали.

*

Я не скажу вамъ, кто она;
Не опишу, въ какомъ нарядѣ:
Во всемъ равно мила она
И всѣ соперницы въ досадѣ.

*

Я не скажу вамъ, кто она;
Но на гуляньи съ ней встрѣчалъсь,
Вы говорите: „Ахъ! она!“
Въ восторгъ спрасши забываясь.

*

Я не скажу вамъ, кто она.
Но если видѣшь вамъ случилось,
Когда влепашь въ вальсъ она;
Вдыхали вы и сердце билось.

*

Я не скажу вамъ, кто она;
Но шо за шайну вамъ ошкрою.
Хоть родомъ не Княжна она,
За шо Царица красотою.

*

Я не скажу вамъ, кто она:
Быть можешь, въ помъ вамъ нужды мало;
Иль съ первымъ словомъ, кто она, —
То ваше сердце досказало.

Б. Оедоровъ.

Къ Гросф у.

..... Patriae quis exul
Se quoque fugit?
Horatius.

Подъ мракомъ ночи к шумана,
Съ зыбей свирѣпыхъ Океана
Не зря спасительныхъ Плеядъ,
Пловецъ спокойствія отрадъ
У неба просишь всей душою.
Оракиецъ, дышущій войною,
Парь, гордый мѣшкою спиртлой,
Покоя ищущъ; но покой
Не купишья серебромъ и златомъ
И не въ дому живешь богачомъ,
Гдѣ средь роскошныхъ позолошь
Толпа печалей и забошь
Вельможи сердце облегаешь.
Взгляни: у бѣдняка блискаетъ
Солонки дѣдовской серебро: (*)
Вкушая малое добро,

(*) Самый бѣдный Римлянинъ имѣлъ серебряную солонку, какъ вещь священную.

Ни страхомъ, ни корысью жадной
Не оправитъ онъ сонъ опрадной.

Куда жь, несытой рабъ мечты,
Куда стремишься мыслью ты?

Чего желать въ столь крашкѣ жизни?

Бѣжишь друзей, бѣжишь опчизны,

Алчбой спокойствіе губя.

Ахъ, убѣжишь ли опъ себя?

Съ конемъ и съ рѣзвою волною,

Забобы злыя за шобою

Все шу же грусть, все шотъ же адъ

Быспрѣй, чѣмъ вѣпръ пуспынный мчапъ.

Пріятной дорожа минушой,

Умѣть въ часы напасши люшой

Предвидѣть радоспный конецъ . . .

Земныя мудросши вѣнецъ!

О Гросфъ, блаженства нѣтъ на свѣтъ!

Ахиллъ увянулъ лѣтъ во цвѣтъ;

Типона спаросъ извела.

Чего Судьба мнѣ не дала,

То дастъ тебѣ или другому.

По лугу злачному, цвѣтному

Сшо вокругъ тебя пасется стада

И кони, въ Циркъ гошovy, ржапъ;

Твои одежды драгоцѣны

Блестяшъ, багрянцемъ напоенны.

Но справедливый рокъ хошѣлъ

Немногимъ скраситъ мой удѣлъ:

Мой уголь не великъ, не пышень;
Лишь въ пемь Камены голосъ слышень.
Пою на лирѣ въ тихій часъ
И презираю злобы гласъ.

В. Орловъ.

Царское Село.

Отвѣтъ дрежняго мудреца.

Въ больницѣ общей намъ, гдѣ случай, Врачъ-
слѣпецъ,
Развель насъ на обумъ и лечишь на удачу,
Скажи, что дѣлаешь, испышанный мудрецъ? —
„Съ безумными смѣюсь; съ сшрадающими плачу!“

К. В. — й.

Конецъ 10-й книжки.

Печашашъ позволяешся: Декабря 16-го дня, 1824 года.

Цензоръ А. Бируковъ.